

НИКОЛАЙ ТУЗОВ

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Николай Витальевич Тузов

Взыскание погибших (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42536535

Взыскание погибших: Издательская группа «АВТОР-ОНЛАЙН»; М.;

2019

ISBN 978-5-6042575-0-0

Аннотация

Книга «Взыскание погибших» – сборник, включающий шесть повестей. Эти истории основаны на реальных событиях и имеют лишь малую толику художественного вымысла. Каждая проникнута глубоким смыслом, заставляет задуматься, сопереживать. Герои книги – обычные люди, как и все мы, они любят, надеются, ошибаются, с трудом ищут свою дорогу в жизни. Вера в Бога помогает им найти единственно правильные ориентиры и обрести счастье.

Содержание

Награды	9
Наше время. Андрей	9
Семидесятые. Андрей	12
Наше время. Борис	19
Шестидесятые. Борис	23
Наше время. Андрей	29
Восьмидесятые. Борис	33
Наше время. Андрей	46
Наше время. Борис	50
Взыскание погибших	53
Пролог	53
I	58
II	70
III	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Николай Тузов

Взыскание погибших

© Н. В. Тузов, 2019

* * *

Дорогие читатели!

СБОРНИК, который вы держите в руках, объединяет по-

вести и рассказы, написанные по мотивам реальных событий, происходивших со мной, с моими родными и друзьями. Почти все представленные в книге истории связаны с чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших». Эта икона – не вымысел, а существующая в реальной жизни святыня, и так получилось, что я имею к ней самое непосредственное отношение.

История образа весьма примечательна.

Чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших» написана неизвестным иконописцем в XIX веке, очевидно, для православного храма Михаила Архистратига в селе Старое Ильмово Казанской губернии. Ныне известны восемь списков этой иконы, созданных до начала XX века.

Упомянутый храм возвели благодаря пожертвованиям жителей села на месте сгоревшей в 1877 году церкви. После Октябрьской революции 1917 года храм и находившиеся в нем религиозные ценности были уничтожены. И если бы не моя прабабушка, жительница Старого Ильмова Мария Дмитриевна Тузова, то навсегда пропал бы и образ «Взыскание погибших». Рискуя многим, Мария Дмитриевна спрятала икону и хранила ее всю свою жизнь, а прожила она 103 года. И вместе с ней, и после ее ухода икону бережно хранили три поколения рода Тузовых.

После событий начала прошлого века прошло почти сто лет, старинный образ перешел в качестве наследства от дочери Марии Дмитриевны, Екатерины Васильевны, ко мне.

Тогда же на семейном совете мы решили отреставрировать икону и передать ее во вновь отстроенный в Старом Ильмове храм Архангела Михаила. Икона вернулась на свое законное место в 2016 году.

Все перипетии истории чудотворной иконы описаны в ключевой повести книги «Взыскание погибших». Во время работы над повестью произошло необыкновенное совпадение. Сюжет о том, как светский художник решил взяться за работу над иконой и создал уникальный список «Взыскания погибших», изначально был моим творческим вымыслом. Но затем, изучив соответствующую литературу и проконсультировавшись со специалистами в области иконописи, я пришел к неожиданному выводу: фантазия удивительно совпала с реальностью, – икона написана примерно так же, как описывается в повести (не чудо ли это?!) Исследования показали: в работе над образом «Взыскание погибших» иконописец придерживался общепринятого канона, но привнес в работу и собственное творческое видение. Очевидно, что он занялся иконописью, будучи уже состоявшимся живописцем. Наверное, поэтому образ получился неординарным и несомненно выделяется среди других иконописных образов той эпохи.

Сюжеты повестей и рассказов объединены основным персонажем – это Андрей Зубов – основной движитель происходящих событий. Не скрою, что создавал этот образ, опираясь на собственные воспоминания, мысли и чувства. Но

Андрей Зубов далеко не всегда в повествовании главный герой. В каждом эпизоде вы встретите разные судьбы, в которых проявилось влияние иконы Божьей Матери «Взыскание погибших».

Например, чудотворный образ помог главному герою повести «Призвание» обрести твердую опору в жизни, а молодой паре из сюжета «Дарованные Богом» – добиться семейного счастья.

В рассказе «Награды» мне хотелось показать, как важно трудиться над своей душой с помощью истинной веры, добра и любви и как опасно пестовать в сердце обиду, жалеть себя и лицемерить. Итогом могут стать глубокий кризис личности, потеря дружбы и уважения окружающих людей. Этот рассказ открывает галерею сюжетов и выступает в роли предисловия к центральной повести «Взыскание погибших».

Повесть «Сильная духом» – это история маленькой девочки, в жизни которой разворачивается самая настоящая драма. Девочка потрясена и растеряна, но с помощью семьи начинает борьбу за свое здоровье и достоинство, обретая в итоге силу духа. И пусть главная героиня повести понимает, что ее беда может остаться с ней навсегда, но она уверенно смотрит в будущее. В трудные минуты мать и ее дочь обращаются к образу Пресвятой Богородицы, и он помогает избежать отчаяния.

Заключительная повесть рассказывает о соперничестве двух братьев, что приводит их к разрыву отношений. Родные

люди преодолели долгий путь, но не могли простить друг друга, пока не пришли в храм, к иконе «Взыскание погибших»...

Имена людей, послуживших прототипами главных героев, в сюжетах изменены, а события отражают общую канву реальных ситуаций.

Надеюсь, книга будет интересна и молодежной аудитории, и людям зрелого возраста.

Ваш Николай Тузов

Награды

Наше время. Андрей

НАЖАВ на кнопку звонка, Андрей ощутил щекочущий всплеск где-то в области диафрагмы. Как он ждал этой встречи, как много значит для него этот человек!

Дверь, обитая потертым дермантином, открылась, и в темном проеме возникло лицо уже немолодого человека, чуть недобритого, с седеющими волосами и глубоко посаженными глазами. В первый момент Андрею показалось, что он видит себя, свое собственное лицо, но было в этом лице нечто чужое, такое, чего в себе он не замечал. Только сейчас это не имело никакого значения. Они встретились!

– Племяш! – широко улыбнулся хозяин.

– Дядь Борь!

Они обнялись на пороге, а потом Борис втянул гостя в полутемный и захламленный коридор.

– Андрюха, как ты? Как добрался из своей этой... Австралии?

– Австрии, Борька! Ты чего ж это меня к антиподам услал?

– Ой, да ты ж у нас большой ученый, мировая наука!

– Да ну тебя! Как ты, Боря?

Дядя хрипло рассмеялся:

– Сам видишь! До старости дожил, а нажил только эту убогую халупу да геморрой! А у тебя небось хоромы в Москве?

– Да какие там хоромы!.. Главное, что у детей есть жилье, а я пока не решил, где век доживать. Может, у вас тут останусь, что думаешь? А что ты меня в комнату не зовешь?

– Ох, прости! – Борис сделал приглашающий жест в сторону давно не мытой крашеной фанерной двери. – Добро пожаловать!

Комната, обставленная во времена развитого социализма, вопреки ожиданиям Андрея, была пуста.

– А где все?

– Да не стал я всю эту ораву собирать! Честно говоря, мы не ладим. Родственников много, да родных мало.

– Но, Борь, мы же договорились! Я же тебе деньги отправил, чтобы ты стол накрыл! Я еще в кафе предлагал... но ты сказал, мол, у тебя все поместятся, сородичей-то осталось немного.

– Ты, племяш, не обижайся, но такое мое решение – без посторонних! А зачем тебе они? – в тоне Бориса задрожало

раздражение. – Чтобы показать, какой ты щедрый? Как ты хорошо поступаешь? Чтобы тебе в ноги валились? Ты у нас атеист, тебе непонятно, что гордыня – се есть грех великий, а я вот, как православный, скажу тебе, что негоже это – своими добрыми делами людям в глаза лезть! Академик! Патриарх! Благодетель!

В изумлении, из которого еще не проросла обида, Андрей смотрел на своего родственника, с которым их связывало добрых сорок пять лет дружбы...

Семидесятые. Андрей

ВПЕРВЫЕ Андрей увидел Бориса в 1975-м или 76-м, жарким летом, после выматывающего, но потрясающе интересного путешествия из таджикского села Умарали, расположенного в Фанских горах, в Среднюю Россию, на родину предков, в деревню Юнусовку.

Вообще-то, Андрею, сыну геолога, приходилось путешествовать и раньше, но, по сути, то были не путешествия, а переезды со всеми проистекающими из этих событий хлопотами и неудобствами. Обычно дела складывались так: Петра отправляли в экспедицию, затем он оставался в исследуемых территориях на несколько лет, подготавливая данные для будущих добытчиков природных ресурсов, и тогда к нему присоединялась вся семья – жена Алёна и четверо детей.

В мае этого года в семье случилось несчастье – Алёна родила пятого или, точнее, пятую, но девчушка умерла через сутки после появления на свет, и роженица впала в послеродовую депрессию. Врачи вытащили ее из этого состояния, но рекомендовали Алёне серьезный отдых, поэтому Петр отвез ее на месяц в Кисловодск, определив в ведомственный санаторий. На время отсутствия матери троих младших детей забрала к себе в Куйбышев бабушка Вера, тётя отца. А Андрей поехал к Алёниной матери, бабе Даше в Юнусовку. Один! Сам! Как взрослый! Андрей, который со своих пятнадцати

лет полмира объездил, до сих пор считал именно то путешествие самым лучшим в своей жизни.

Ехал поездом, в плацкарте, в компании очень веселых торговцев-таджиков, которые везли в Свердловск роскошные фрукты и потчевали ими худенького юношу просто так, из чистой симпатии. В Уфе путешественник пересел на другой поезд, снова в плацкарт, и снова ехал очень весело, так как повезло попасть к студентам, направлявшимся на какую-то страшно важную комсомольскую стройку.

В Куйбышеве он сел в автобус и спустя четыре часа доехал до Юнусовки. В деревне Андрея должны были встретить родственники – для этого Алёна отправила с курортов на родину телеграмму, сообщающую о грядущем прибытии ее сына.

А встречал его в деревне не кто иной, как Борис.

– Это ты – Андрей? – спросил его невысокий щуплый парнишка.

Андрей даже рот открыл, увидев его лицо. Ощущение было, будто он смотрел в зеркало! Интересно, но Борис такого явного сходства между ними никогда не признавал, и даже когда родственники твердили, что похожи они необыкновенно, дядя Боря фыркал и крутил у виска указательным пальцем.

– Да, а ты?

– А я – твой дядя Борис.

– Чегой-то ты дядя? – искренне удивился Андрей.

– А того, что Алёнка, твоя маманя, моя старшая сестра, ясно?

– Тогда ясно. Мама о тебе рассказывала. Ты единственный в семье, кто в детстве не боялся козу Загогульку.

Неожиданно для самого себя Борис улыбнулся, а хохотали они уже вместе.

У дяди Бори имелся в полном распоряжении отцовский мотоцикл «Урал». Несмотря на солидный возраст и капризный нрав, это транспортное средство впоследствии доставило много радости – они много часов пропутешествовали на нем по округе, наслаждаясь скоростью, ветром, солнцем.

На мотоцикле они и приехали со станции в семейное гнездо, где Андрей первым делом угодил в еще крепкие объятия бабы Даши и деда Матвея, а потом его переобнимали все юнусовские родственники – тетки, дядья, сестры и братья.

В первый вечер состоялось застолье, на которое собралась чуть ли не половина деревни. От Андрея требовали рассказов обо всех своих братьях и сестрах, об Алёне, которую помнили стройной девушкой и об отце-геологе. Его тут считали коварным похитителем невест и каким-то сказочным гномом, рубящим в горных глубинах штофы и добывающим алмазы и золото. Все это смешило Андрея и очень ему нравилось.

Еще интереснее стало, когда дядя Борис принес гармонь, знаменитую хромку, и заиграл. Он был самоучкой, азы мастерства постиг сам, часами перебирая кнопки клавиатур, и

только год назад, когда в деревенскую школу приехал учитель музыки, владевший этим инструментом, Борис стал совершенствоваться в игре с настоящим музыкальным педагогом.

Прежде Андрей гармонь не видел, а уж гармонистов и подавно. Между тем на Бориса во время игры посмотреть стоило. Он отдавался музыке абсолютно и безраздельно, закрывая глаза и словно бы отключаясь. Если публика хотела, чтобы он прервался и заиграл другую песню, Борис просто не слышал их. Приходилось ждать, пока композиция не закончится. Но ожидание не утомляло, так как играл Борис ладно, с переборами, с паузами, акцентируя припевы и ключевые моменты мелодии. Увидев Бориса с гармонью, Андрей действительно зауважал нового друга.

Гармонь дала Борису популярность не только на семейных праздниках. На вечерних деревенских посиделках, где собиралась вся местная молодежь, он был, как сказали бы в наше время, звездой. Девки влюблялись в него, парни – завидовали. Можно было бы предположить, что Борис на этой почве возгордится, но ничего такого не случилось. Более того, он даже не обращал внимания на наивные заигрывания самой первой красавицы Юнусовки – Аннушки, а ведь девушка была загляденье. Борьке больше нравилась тихая Поля, потому что ее голос хорошо звучал с гармонью. Они часто вместе репетировали, а потом Борис провожал Полину через все село, наигрывая на ходу разлиvistые трели. Ан-

дрей бы, наверное, умер от счастья, если бы такая девушка, как Аня, просто заговорила бы с ним, но дядя привечал другую. Такая разборчивость возносила Бориса в глазах племянша на недостижимые вершины.

Как и все мужчины в мире, особенно совсем юные и еще не привыкшие слышать голос разума в своей голове, дядя и племянник первым делом стали выяснять, кто из них станет лидером, а кто поплетется в фарватере. Разумеется, выяснение это шло скрытым порядком. Андрей сразу понял, что «дядя Борис» в открытом противостоянии будет доказывать свое лидерство до последнего, но, если проявить внешнее уважение, родственник сразу забывает о своих претензиях и раскрывает красоты своей души. С другой стороны, он заметил скрытое дружелюбное любопытство к своей персоне и даже признание равенства, что располагало к демонстрации своих лучших качеств.

Так они и поладили. А когда выяснилось, что оба обожают проводить время за пределами обитаемых территорий в загадочных лесах, на берегах рек и в лугах, где вечером пахнет разогретой травой, что обоим медом не корми, а дай найти следы дикого зверя, нору, дупло, странный камень, вот тогда молодые родственники ощутили искреннюю взаимную привязанность.

Для Андрея эта дружба стала самой-самой дружбой в его жизни. Из-за частых переездов он привык не сходитья с новыми одноклассниками слишком близко – ведь все равно

придется уезжать, а вот дружба с родственником ощущалась совсем иначе. Такую связь будут укреплять и другие люди – родители, братья и сестры. К тому же Андрей ощущал в Борьке общность, которая базируется на крови или, как сказал бы он, спустя много лет и став философом, на родовой генетике.

То лето подарило ему не только лучшего друга, но и семью, и те места, которые были родными для его предков со стороны матери. Баба Даша, не видевшая старшего сына своей первой дочери с двухлетнего возраста, когда она ездила к ней в гости в Нижневартовск, просто глаз не спускала со своего Андрейки. Она сажала его рядом с собой, просила рассказать что-нибудь из своей жизни, но постоянно прерывала его слова тихим восклицанием:

– Ох, ну какой же ты хороший, Андреюшка!

И ни она, ни Андреюшка не замечали, как поджимал губы Борис, слыша это.

...В середине августа Андрея снова ждал (но теперь уже в обратную сторону) автобус, и надо было сесть на поезд, потом на другой и снова – на автобус, чтобы приехать домой, в Умарали. Путешествие Андрей воспринял как печальное. Он очень соскучился по своим, волновался за маму, мечтал рассказать отцу о слоях породы в Осинной балке за Юнусовкой, хотел увидеть, как выросла шкодная Нинка, как за лето продвинулся в шахматах Вовка и узнать, научился ли Сла-

ва говорить букву «р». Но его душа словно проснулась там, среди лесов, описанных в русских сказках, и теперь ее магнитом тянуло назад.

Едва приехав домой, Андрей тут же написал письмо Борису, рассказав в юмористическом тоне, как доехал, какие попались соседи, что он читал в дороге и как ему понравилось. Передал горячие приветы бабе Даше и прочим родственникам, которых, по правде, он вряд ли смог бы осмысленно перечислить. А уже через неделю пришло письмо от Борьки – он написал его сразу после отъезда племяша, как теперь называл Андрея. Из письма было ясно, что дядя Боря жутко скучал по новому другу, но прямо в этом, конечно, не признавался. Рассказывал о валежнике, где в июле они видели медвежьи следы, о том, что поймал в речке сома, а ведь они вдвоем ни одного словить не сумели!.. И много еще такого, что Андрей читал, затаив дыхание. Только приветов от матери Борис не передал. И никогда не делал подобного впредь. Впрочем, племяш вряд ли замечал этот нюанс...

Наше время. Борис

ПОСЛЕДНИЕ двадцать лет Борис работал на молзаводе, заведовал складом. Платили терпимо, да ведь и потребностей у него было совсем мало. Что, на самом деле, надо воистину воцерковленному человеку? Немного хлеба да возможность подумать о душе. Тем более что мир вокруг так переменялся! Всё деньги, деньги, деньги людям нужны. Борис глядел на своих же собственных родственников и просто диву давался их стяжательству и алчности. Бабы рожать перестали, у всех племянниц по одному-два отпрыска, да все такие холеные, мордатые, наглые. Едят какую-то синтетическую дрянь, пьют эту сладкую бурую воду. От нечистого это.

Борис говорил молодежи: идите в церковь, слушайте батюшку да живите по-православному, чисто! Они-то пошли, но жизнь свою не изменили. Как-то Борис спросил своего внучатого племянника, Лизкиного сына: «А что ты у Бога просишь?» Ну, он и ответил, что денег ему надо – новый дом достроить! Да как же к Богу с таким можно лезть?! Да что ж это с людьми творится?..

Сам Борис пришел в веру, когда на пороге смерти оказался и понял, что пойдет он на тот свет с пустой душой, ничего путного в жизни не сотворивши. Ничего. И тогда ему стало страшно, как никогда прежде. Это случилось, когда он пил беспробудно, едва удерживаясь на работе, отвернувшись

от родных. Надо сказать, те времена для деревни оказались непростыми, так что многие юнусовские мужики снимали стресс самогонкой. Младший брат Бориса, Семен, допился до смерти, а сын сестры Софьи спал под заборами, клянчил у прохожих «рублик-другой» и совсем потерял человеческий облик. Но Борис не считал, что он с этими алкашами одного поля ягода. Свой порок он прятал за закрытой дверью, сохраняя, пусть только внешне, остатки достоинства.

Однажды денег на магазинную водку не хватило, Борис купил какой-то суррогат – и отравился. Спасло его чудо – сменщик на складе чего-то недосчитался и позвонил ему домой, чем и вывел Бориса из тошнотворной дремы. Кое-как Борис объяснил сменщику, что, видимо, сейчас умрет, а тот догадался вызвать на его адрес скорую. До приезда врачей Борис впал в кому и последней его мыслью на этом свете была такая: «Боженька, спаси! Обещаю, что всю жизнь буду тебя славить!»

И вот – выжил.

Тогда к нему пришло осознание своей особой приближенности к Богу. Ведь не зря Он спас Бориса, такого жалкого и глупого! Значит, его никчемная душа понадобилась Ему, оказалась особенной, ценной. Далее Борис осознал, почему ничего материального в жизни не добился. Видимо, чтобы приблизиться к великому замыслу, стать его частью! Теперь он уже не ощущал прежней пустоты, заставлявшей его заливать разум водкой. Алкоголь потерял над ним свою власть.

После обретения веры у Бориса словно бы открылись глаза – он увидел, как мелочно и пусто живут его собственные родственники, не замечая в своем самодовольстве истинного пути.

Как раз в то время в Юнусовку на пару дней заехал с женой и маленькой дочкой Андрей. Он был в отпуске, возил семью в Крым на отдых и решил показать родину своей матери. Борис затянул друга в гости и стал горячо рассказывать о своем преображении, но Андрей отреагировал неожиданно торопливо и прохладно. Мол, молодец, что пить бросил, дядя Боря, ну а насчет духовных дел – это все личное. Такие вещи Андрей не считал нужным обсуждать.

Тот единственный разговор и стал отправной точкой для растущего разочарования в друге. Борис ему – самое сокровенное, а Андрей даже не изобразил понимания! И вот теперь он прибыл, чтобы облагодетельствовать Бориса и тем... его еще более унижить?.. Именно поэтому, когда среди родни пошли слухи о приезде Андрея, и все стали спрашивать Бориса, правда ли это и какая на то причина, Борис отвечал, что толком ничего не знает. Его раздражало, что родственники так ждали Андрея, считая его кем-то вроде могущественного старейшины! Да, Андрей помогал каждому из них, кто просил его об этом: устраивал в столичные больницы, присылал деньги, привозил подарки и так далее. Но делал это из гордыни (так считал Борис) и только потому что имел возможности. Вот у него даже шанса на это никогда не

было... Впрочем, шансы-то были одинаковы – оба из многодетных и небогатых семей, только племяш, в отличие от Бориса, к чему-то стремился и что-то делал для достижения успеха... Эта неприятная мысль, выскочившая из подсознания, еще больше обозлила его...

Шестидесятые. Борис

ИЗ ВСЕХ ДЕТЕЙ Дарьи, а рождено их было восемь душ, Борис был самым чувствительным. Только он мог уйти утром за деревню, еще до восхода солнца, и бродить где-то, мечтая о том, что его братьям и сестрам никогда и в головы не приходило. В раннем детстве он был самым ласковым – все стремился схватиться маленькой и не всегда чистой ладошкой за мамкину юбку, но у матери не находилось времени на нежности. Иногда в грозные ночи, едва она проваливалась в мутный омут сна, Боря прибежал к ней, прячась от грома и молнии, просился поспать рядом. Едва понимая, кто перед ней, мать, без раздражения, но и неласково, отправляла его на свое место среди других детей.

Борис так никогда и не узнал, что иногда из-за него у Дарьи болело сердце – она чувствовала, что жестокость жизни всегда будет проникать в его душу глубже, чем в души других. И ему всегда будет больнее переживать такие вещи, о которых другие только поплачут и забудут. Только вот не могла она распределить свою ласку среди всех детей неравномерно, не имела на это материнского права.

А тут еще старшая дочка Алёна родила первенца, здоровенького пацанчика, всего на год младше Бориса. Первый внук принес Дарье какой-то совершенно иной по ощущениям опыт любви. Ее чувство шло к внуку через дочь, словно

усиливаясь любовью к Алёнке, своей старшенькой – опоры и радости.

В подростковом возрасте Борису казалось, что мать словно бы обходит его стороной. Он пытался понять это, пытался обратить на себя внимание, пытался приблизиться – и физически, и духовно, – но на это у нее не хватало сил. Может быть, именно потому он больше других детей интересовался матерью. Ее юностью, детством, чувствами и мыслями. Боре было лет четырнадцать, когда он стал приставать к бабе Уле с расспросами: какой была мама в детстве и юности? И ее рассказы (а бабуле, почти ослепшей к тому времени, эти разговоры стали единственным развлечением за целый день) он воспринимал не ушами, а душой, ясно ощущая все, что чувствовала сама Дарья.

Во время Великой Отечественной войны Дарья работала в колхозной конюшне, а Алена, ее старшая дочь, помогала матери. Слушая истории об этом, Борис ощущал запах сена и конского навоза, степенную податливость лошадей, видел их мощь и покорность. Вместе с Дарьей он боялся черного жеребца Ясеня, который мог и взбрыкнуть, но уж если его телега застревала в грязи, то вытягивал ее обязательно. Дарья поладила с Ясенем, научившись не показывать страх. Лошади стали радостью для крепкой и здоровой женщины, которая любила добиваться своего.

Муж Дарьи Матвей в то время уже сражался на финской войне. Ему вообще выпало повоевать, а ведь это был самый

мирный человек, какого только можно представить! И даже после всего ужаса, после всех смертей, увиденных им и причиненных в мясорубке Великой Отечественной и Японской войн, Матвей сохранил в душе море доброты. После его возвращения их семья приросла еще шестью детьми, поэтому жили небогато, но в своем скромном и простом счастье. А до тех времен Дарье с двумя дочками пришлось еще много пережить и голода, и несправедливости, и безнадёги.

– А что делать? – говорила баба Уля, – только работать! Алена тогда выручала мать – ловкая такая, сноровистая. Я сама запрягать только годам к семнадцати научилась. А она – уже в десять справлялась! И младшую сестренку пасла, как глупую козочку, и хату в порядке держала. По правде скажу тебе, внучок, что была она всегда моей любимицей.

А когда баба Уля рассказывала о приходе войны, Борис представлял, как вдруг небо потеряло свой цвет, трава высохла, листья с деревьев облетели, а люди и обстоятельства изменили свою сущность. Также изменилась жизнь Дарьи, а добрые кони вдруг обратились в упрямых тяжелых быков, которых не обуздать и не понять, не полюбить, не усмирить и не смириться самой с такой тяжелой переменой. Баба Уля, сама любившая лошадей, до самых своих последних дней помнила боль, с которой отправляла лучших коней – на войну, а тех, кто не годился на фронт – на бойню. И тех, и других – на смерть! И многие лошади так и остались в ее памяти, понуро уходящими из ее жизни в страшное никуда...

Борис не мог осмыслить, а баба Уля не захотела поселять в умную головку внушка весь тот ужас, что пришел вместе с быками в военные годы. Но что-то осталось в его подсознании и спустя много лет отобразилось в стихотворениях, в те годы, когда он пытался реализовать свои уже взрослые амбиции в роли провинциального поэта. Те стихи – с быками и ясным ощущением беды, войны, смерти – были лучшими из всего, что он создал. В ряд к ним можно было бы поставить только два поэтических портрета матери, созданных по детским воспоминаниям. Все остальное – деревенская лирика, модные в те времена духовные стихотворения – выходили у него слащавыми и претенциозными.

Однажды зимой, когда на улице вовсю гуляла метель, Борю приболел, не пошел в школу, а шмыгнул на печь, свернулся уютно калачиком под валявшимся там древним дедовым тулупом и задремал. Разбудил его голос матери, звучащий совершенно непривычно – низко и тихо. Борька высунулся незаметно из тулупа и увидел, что мать говорит с его сестрой Зинулей, а на столе разложен белый отрез тонкой ткани. Борис знал, что Зинуля собирается замуж и, получалось, мать с сестрой колдовали над платьем невесты. Тогда впервые он и услышал историю об Андрее, парне, пришедшем с Гражданской войны без ноги и ставшим председателем их колхоза. Его убили свои же сельчане после того, как он отправил собранный урожай в город, чтобы накормить голодающих сол-

дат и рабочих. Каждому двору было позволено оставить по два мешка зерна и по десять ведер картошки на всю зиму.

Этот Андрей стал первой любовью Дарьи.

– Да я ж тогда еще дитём была, – улыбалась она. – А вот Андрей в сравнении со мной – уже взрослым, хоть и было ему всего двадцать лет. Раньше-то он уже был с женщинами, но теперь стеснялся нормальной бабы, а я, шмакодявка! Передо мной ему так стыдно не было. Почему стыдно? Так из-за ампутации... Да кто б на нее посмотрел в то время! Наши, деревенские, заглядывались на него и без ноги. Мало того что дефицит мужиков у нас тогда остро ощущался, так Андрюша еще и красивый был. Такое лицо открытое, светлое, хорошее, глаза черные, взгляд острый, прямой. Тощий был, конечно, что твой кот после чумки, но так все мы тогда досыта не ели! – Она помолчала немного. – Оголодали, а урожай в тот год собрали хороший, хоть и тяжело пришлось – на поле только бабы, старики да дети! Радовались все, что на зиму еда будет и людям, и скотине. И вдруг с утра приезжают солдаты и увозят на своих грузовиках всё зерно, весь хлеб! И по домам прошлись, забрали, что у кого там было. У нас тогда морковка уродилась, так всю ее подчистую вынесли! А водил солдат по деревне мой Андрей, председатель. Он же был партийный, ему приказ пришел, что надо для голодающих в городе хлеб собрать. И он выполнил приказ. Как уехали солдаты, в деревне такое началось!.. Дед Федот был крепчайший старик! Он повел баб к правлению. Я побежала

следом, но сестру малую не могла бросить, тащила на себе. И пока тащила... Подбегаю, а там люди в кругу стоят и молчат. Я чую, что беда, что вот оно, пришло, а пробиться через них не могу! Сны такие бывают – никак не можешь чего-то сделать, как ни бьешься! И тогда тоже такое было, поэтому я стала на коленки и вперед поползла. А в кругу Андрей мой лежит, уже мертвый. И он весь был... – ее слова прервало рыдание.

Это расплакалась Зинуля, напугав своим рёвом мать, которая знала, что дочь уже беременна, и «лишние» нервы могут привести к выкидышу.

Слушая причитания сестры, Боря сидел под тулупом, уставясь в темноту временно ослепшим взглядом. В будущем он так и не решился спросить мать: а рассказывала ли она об Андрее самой старшей своей дочери, Алёне, и не назвала ли она своего первенца в честь того парня, который не смог стать их отцом? Но Борис не сомневался: если бы это сакральное имя носил он сам, то получил бы больше материнской любви, а от этого и жизнь стала бы к нему добрее.

Наше время. Андрей

– НУ, ЧТО ТЫ так на меня смотришь? Правда глаза режет? Или уже передумал меня облагодетельствовать?

Борис напал на уже не так яростно, но настроение Андрея, такое предвкушающее, взволнованное разлетелось острыми осколками и больно резало изнутри. Он не понимал, почему друг так ведет себя, в чем его, Андрея, вина и надо ли ему сейчас обидеться и уйти или стоит довести задуманное дело до финала.

«Нет, я обещал, значит, я должен», – решил Андрей и полез в портфель.

– Не понимаю, Борь, что ты так взвелся, но возьми это. Награды твоей матери – твои по праву. Я всегда знал, что ты их достоин и теперь, когда моя мама умерла, я выполняю то, что должен.

Он протянул три небольших картонных коробочки, оклеенных красной тисненой клеенкой, имитирующих, по замыслу советских дизайнеров, кожу. Небрежным жестом, но с загоревшимся взглядом, Борис взял коробочки в руки, открыл их, сел на продавленный диван рядом с Андреем.

Внутри первой коробочки на красном бархате лежала медаль Материнства, а в других – ордена Материнской славы I и II степеней за воспитание десяти детей. Некоторое время Борис молча смотрел на награды. Его лицо исказилось, на

лбу и щеках прорезались морщины, выдававшие горечь. Если бы у него спросили, что он чувствует, он бы не смог точно ответить. Он считал себя смертельно обиженным, когда не получил эти награды из рук матери, но сейчас он должен был бы обрадоваться, так как справедливость восторжествовала, но в его душе было так же пусто, как и ранее.

– Ну, вот, я сделал то, что обещал, – пробормотал Андрей.

Совсем не того он ждал, совсем не так хотел провести этот день. Надеялся увидеть родственников, оставшихся в Юнусовке с тех самых лет, когда он сам впервые приехал знакомиться с бабушкой Дарьей, той самой, чьи награды сейчас отдал Борису. Ожидал встретить родные лица, услышать семейные истории, поднять тост за ушедшее поколение и много тостов – за будущие.

После долгих лет научной деятельности, изучения философии и генеалогии Андрей стал выше ценить семейные узы, а трагедия его семьи, семейного круга, в котором он вырос, особенно обостряла чувство родственности.

Завтра, после семейных посиделок, ему хотелось бы пойти с Борисом за село, в лес, посмотреть округу и те места, где гуляли они вместе чуть ли не полвека назад. Он уже заметил, как сильно изменилась Юнусовка. В отличие от многих других сел, деревня не погибла за ушедшие годы. В 80-х здесь был построен молзавод, который, худо ли бедно ли, но помог сельчанам пережить развал колхоза в 90-е. Молзавод построил для своих работников целый район двухэтажных

домов городского типа. В одном таком доме как раз и проживал Борис. Несколько лет назад Юнусовке снова повезло: земледельческие корпорации организовали несколько производств – колбасный цех, сыроварню и возвели несколько гектаров теплиц. В село вдохнули новую жизнь.

Хотелось посмотреть на все это, а побродить в лесах – еще больше!

Но все вышло иначе. Вряд ли Борис, поглощенный жалостью к себе, захочет гулять с бывшим другом. Андрея очень удивляло его поведение, воинствующее нежелание собрать родственников вместе, скрытые в словах ядовитые упреки.

И только сейчас, когда миссия была выполнена, он вдруг задумался: а зачем, вообще, Борису так нужны материнские награды? Например, боевые награды его отца, деда Матвея, переданные в юнусовский музей, не интересовали Борю. А за материнские Борис обижался с тех пор, как баба Даша отдала их Алёне. Даже как-то высказал сестре, что, мол, она о жизни матери ничего толком не знает, поэтому не может понастоящему осмыслить ценность этих наград. И, если рассуждать отстраненно и даже немного цинично, разве не удивительно, что пожилой уже мужик так хочет получить орден Материнской славы?..

Мимо дома проехала скорая, звук сирены оторвал Андрея от размышлений.

– Я в гостинице остановлюсь, хочу еще несколько дней побыть в Юнусовке, – сказал он, – а потом в Москву поеду,

детей повидать. Дай мне телефоны тети Зинули и других родственников, хочу их увидеть.

– Да, конечно, – отозвался Борис.

Он так и не достал награды, не взял их в руки. Положив коробочки на стол, достал из кармана мобильный телефон самой древней конструкции, которую мог вспомнить Андрей.

– Записывай...

Потом проводил теперь уже бывшего друга к выходу, сохраняя молчание, скрывавшее внутреннюю пустоту, похожую на затишье перед бурей.

Восьмидесятые. Борис

...ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА Андрея из Юнусовки их дружба несколько лет развивалась в эпистолярном жанре. За это время Борис окончил десять классов и отслужил в армии. Надо сказать, что служба, проходившая в Ставропольском крае, показала Борису, как огромна его страна, и как много всего такого, чего он может не увидеть, если будет сидеть в своей деревне до конца дней. Повзрослев, Боря стал испытывать огромный интерес к жизни и к перспективам, которые она могла бы открыть. Ведь он может учиться дальше, стать большим человеком, получить уважение и зажить в городе, в любом городе СССР!

Семья, мать, сельская жизнь, кроме которой прежде он ничего не знал, отошли на второй план, освободив горизонты. И Борис счастливо жмурился, разглядывая их...

Но еще до службы в армии, после окончания школы, он решил погостить у племяша, посмотреть на Таджикистан. Даже влюбившись в русскую природу, Андрей не мог не восхищаться в своих письмах красотой окружавших Умарали Фанских гор. Зараженный этим чувством, Борис совершил долгое путешествие в Душанбе. Город потряс его цветами, запахами, жарой, девушками, огромными домами, широкими улицами, клумбами, небом... После двух дней в маре-

ве и шуме Борис с облегчением воспринял тишь маленькой деревушки, пограничного форпоста между обычным миром и невероятной вселенной гор. Прежде Боря не видел таких пейзажей, а особенно вокруг себя, в обманчивой близости. Сначала его пугали эти громадины, треугольные зубы матери-земли, торчащие в небо, ледяные, злые. Но вскоре страх равнинного человека переродился в восхищение. Горы захватили его и заставили себя любить. «Я сердце оставил в Фанских горах, теперь бессердечный хожу по равнинам», – процитировал как-то Визбора отец Андрея, Петр. Фраза совершенно точно описывала состояние Бориса в то время.

Конечно же, Андрей потащил друга в горы в первый же день после его приезда. Они поднялись по окружавшим село невысоким, поросшим редкой растительностью возвышенностям, но даже на этой высоте непривыкший к переменам давления Борис почувствовал себя дурно – начал задыхаться, разболелась голова. Сердце стало пропускать удары, оставляя в груди легкое ощущение холода. Борис не показал своего состояния, а уже через несколько недель адаптировался и забыл о давлении. Папа-геолог снабдил сына и его друга разным полезным туристским оборудованием – палатками, веревками, ножами, непродуваемыми куртками, шерстяными носками, ледорубами и прочим. Пользуясь этим полезнейшим добром, парни повадились ходить в горы на несколько дней, поднимаясь все выше – к мерцающим синевой глубоким и прозрачным озерам, к искрящимся ледни-

кам и отвесным суровым скалам. Они ловили рыбу, собирали ягоды, сидели у костра и беспрерывно говорили обо всем на свете.

Андрей, несмотря на юность и откровенную неопытность в житейских вопросах, был начитанным пареньком. Его отец собрал приличную библиотеку для подрастающего поколения. На полках стояли Лондон, Верн, Стивенсон, рассказы о природе, научно-популярные издания о науке, искусстве. Прочитав их все, Андрей теперь дочитывал книги из деревенской библиотеки и выписывал кучу разных полезных журналов. Борису, имевшему некоторый опыт общения с девушками, а также талантливому от природы рассказчику, тоже было чем заинтересовать племяша. Но часто, пропутешествовав целый день по горным диким тропам, они оба не открывали ртов весь вечер, иногда разбавляя это вовсе не тягостное молчание вдруг пришедшим на ум анекдотом.

Однажды, примерно в начале осени, случилось то, что впоследствии сильнее прочего связало обоих друзей. После этого происшествия Андрей стал испытывать к другу благодарность и восхищение, а Борис ощущал гордость за сделанное и чувство, которое возникает у людей по отношению к тем, кого выручил: желание оберегать их и далее. Это случилось на леднике, лежавшем под взметнувшейся высоко в небо скалой. Его нижний край уходил в пропасть. Кое-где снизу ледяную простынь обрамляла узкая каменная гряда.

Некоторое время парни отдыхали после подъема, сидя на

рюкзаках, потом двинулись вверх, вдоль ледяной кромки, чтобы выбраться на солнечную сторону горы и оттуда обозреть вид через перевал. Камни перед ледником были мокрыми. Андрей, поскользнувшись, остуился и покотился по леднику на животе, лицом вперед к краю скалы. Он пытался тормозить носками кедров, но они весело скользили по плотной поверхности, руки безнадежно царапали твердый плотный наст. В мгновение ока Андрей соскользнул к краю ледника и, наполовину свесившись в разверзшуюся перед его глазами пропасть, повис на самой кромке каменной гряды.

– Андрюха, держись!

Как только Андрей покотился по насту, Борька бросился на ледник, чтобы поймать его на пути к пропасти. Шлепнулся – тоже подвели кедров. А когда принял устойчивое положение на четвереньках, Андрей уже висел над пропастью. Борис двинулся вперед, пополз как можно быстрее, умоляя небеса удержать темное пятно Андреева тела на камнях над пропастью и не дать ему упасть! Добрался, сел, упершись ногами в твердую и скользкую, вечно холодную поверхность ледника и вцепился коченеющими пальцами в ремень на штанах друга.

– Отталкивайся от камней, двигайся назад, – скомандовал он, начав тянуть за ремень.

– Да, двигаюсь... – прошептал Андрей, ошарашенный глубиной обрыва, глядящего снизу прямо ему в лицо.

Борис с натугой потянул ремень на себя, и Андрей отодви-

нулся от края на пять сантиметров. Эти сантиметры вернули ему волю к победе, он стал отталкиваться, перемещаться назад. Борис, откатываясь на мерзнувшей уже заднице, освобождал ему путь, продолжая тянуть за ремень. Наконец, Андрей смог развернуться и стать на четвереньки. Борис сделал то же самое и вскоре они оба добрались до камней.

– Спасибо, дядя Боря, – сказал Андрей дрожащим голосом.

– Да чего тут, – махнул рукой Борис, тяжело дыша.

После этого приключения у Андрея еще несколько часов дрожали руки, и он прятал их в карманах, но вот нервный смех удержать не мог.

Борис жил у сестры еще целый год. Петр устроил его водителем в местную артель, вывозившую горную породу с разработок. Другой работы не было, а артель располагалась километрах в пятидесяти, поэтому Боря теперь редко видел племяша, но все свободные часы они проводили вместе где-нибудь в горах. Оба мечтали стать егерями в этих местах и строили планы на будущее.

Спустя год Борис поступил в душанбинский техникум, выбрав профессию лесника. Андрей страстно завидовал ему, но отца направляли в Москву, на руководящую должность, и теперь семья перебиралась в столицу, а Андрей готовился поступать в институт. Он выбрал философский факультет, пока еще мало понимая, чем конкретно будет заниматься в

отдаленном будущем.

После отъезда родственников, оставшись в Таджикистане один, Борис как-то сразу скис. Выросший в большой семье, привыкший к тому, что его окружают знакомые лица, он стал тосковать. Вспомнил маму, дом, деревню, Полю, с которой даже не думал поддерживать отношения, но сейчас казавшаяся ему девушкой-мечтой. Не подумав даже посоветоваться с преподавателями, он бросил учебу и вернулся в Юнусовку. Пошел на работу в колхоз. Спустя какое-то время снова соскучился – теперь его мучили магниты, тянувшие в противоположную сторону. Он снова хотел покорять большой мир. Этот вполне обычный для любого молодого человека период метаний начался у Бориса позже положенного возраста, и поэтому он переносил его тяжелее, как переносит детскую болезнь ветрянку уже взрослый человек.

Как раз кстати Борис получил письмо от армейского приятеля Толика, жившего в Ставрополе. Тот звал в гости, а также – на выставку картин молодых художников, на которой были представлены и его работы. Решив, что сама судьба манит его к переменам, Борис простился с матерью и родными. Он отправился в Ставрополь. На месте выяснилось: Толик был художником во втором поколении, поэтому в его распоряжении оказалась настоящая художественная мастерская, а папа щедро снабжал его материальными ресурсами. Это обеспечивало полную свободу творчества во всех областях жизни. Неожиданно для себя Борис увлекся поэзией.

Всего за полгода, со свойственной ему тягой к самостоятельному постижению, он овладел искусством сложения стихов.

Все это время Борис и Андрей переписывались, отправляя примерно по паре писем ежемесячно, и мечтали найти способ увидеться. Андрей описывал свою учебу и увлечение философией. Постепенно он начинал понимать, что создан для науки, что это его стезя, его перспектива. А пока племяш отлично чувствовал себя в студенческой среде, нашел новых друзей, а к концу пятого курса встретил Таю, свою будущую жену. Борис, со своей стороны, расписывал, как хорошо быть творцом в провинции, но по прошествии нескольких лет сам так уже не думал и страдал новым разочарованием. Он обвинял в своей новой неудаче узость мышления провинциальной богемной среды, вялость писательской жизни тупикового города, отсутствие настоящих тем для творчества, отдаленность от столиц, но отчаянно не желал признаваться ни себе, ни окружающим, что вся проблема – в отсутствии у него настоящего дара. Уметь писать стихи и быть поэтом – это не одно и то же.

Сначала Борис верил в себя, много работал, надеясь стать хорошим ремесленником в своей области, но со временем со все большим энтузиазмом поддерживал разнообразные тусовочные мероприятия. И, чего прежде с ним никогда не было, Борис приобщался к алкоголю, становившемуся для него все более желанной отдушиной. К тому времени Толик, в чьей мастерской Борис продолжал обитать, и вовсе спивал-

ся. Он уже забыл, что такое творчество, но хорошо помнил, как выпрашивать у отца деньги. В мастерской беспрерывно сидели, ходили, курили, пили, ели десятки прихлебателей и любопытствующих. Общаясь целыми днями, люди умудрялись не обмениваться ни единой полезной мыслью, а лишь производить звуки и уничтожать полезные ресурсы. Тем не менее, Борис выдержал в этой обстановке около пяти лет и сохранил разум, если не считать того факта, что этот разум постоянно находился в заторможенном от спиртосодержащих жидкостей состоянии. За последний год своей ставропольской богемной жизни он не прикоснулся к перу ни разу.

Что-то должно было случиться, чтобы вывести его из этого анабиоза и толкнуть к следующему жизненному этапу, и это случилось. Толик допился до белой горячки, схватил нож и разрезал все свои работы. Трудясь в поте лица, он несколько раз порезался, что было результатом мучившего его тремора конечностей, но врачи сочли эти порезы попыткой суицида. Знаменитый отец отправил Толика в психиатрическую больницу, а всех, кто помогал сыну достичь его «просветленного» состояния, выпер из мастерской вон.

Оказавшись на улице, Борис понял, что пора возвращаться в Юнусовку.

Родная деревня встретила скитальца плохой новостью – вот уже с полгода мать тяжело болела и надежд на выздоровление не оставалось. За мамой ухаживала Зинуля, замужняя жизнь которой не сложилась. В старом родительском доме

братья сделали ремонт, но дом все равно казался пустой оболочкой чего-то давно ушедшего: детства, юности, надежд.

Борис вошел в комнату матери. Она лежала в кровати, как показалось ему, ужасающе постаревшая и тяжело больная. Казалось, мать не замечает его, погруженная в полусон. Он сел возле нее, не представляя, что можно сказать в этой ситуации.

– Боря, сыночка, как давно я тебя не видела! – тихо отрывисто сказала мать.

– Мам?

– Как ты живешь? Женился?

– Нет, мам, не женился. Я вернулся домой, теперь тут буду. Может, женюсь.

– А что ты делал все это время?

– Я научился... писать стихи.

– Да ты и в детстве хорошо их писал! Ты способный ко всему, что хочешь!

– Мама, а ты как?..

– Два инсульта, Боря. Уже не жилец. С тех пор, как папа умер, я все думала, что и мне пора, но задержалась.

Отец умер, когда Борис служил и теперь казалось, что случилось это много-много лет назад. Они поговорили с мамой еще немного, а потом пришла Зинуля и отправила Бориса прочь – маме требовался отдых. Так Борис снова оказался дома. На этот раз – навсегда. Один из братьев устроил его шофером на молзавод, и в этой жизни, такой пустой и

тусклой, Борис даже находил некоторое удовлетворение. Его больше не тянуло ни на какие новые дороги. Период надежд и метаний кончился.

Хрупкая целостность существования треснула одним осенним вечером. Забежал племянник Витька, позвал к матери, а она повелела собрать всех детей на ее именины через три недели. В положенный срок все восемь детей Дарьи собрались у ее кровати. Они предчувствовали самое печальное, но при маме не хотели показывать своей обеспокоенности. Зинуля застелила мамину кровать красивым бельем с ручной прошивой, расчесала и заплела ее совсем седые волосы, нарядила в светлое свободное платье, но убрать синеватые круги вокруг ее глаз, спрятать ввалившиеся виски и скрыть нездоровую бледность лица уже не могла.

– Дети, мы с папой любили всех вас, каждого, – мамин голос звучал глухо, поэтому дети невольно придвинулись к ней. – Я помню, как кто родился и как рос, и когда заговорил, и что сказал. Правда... иногда путаю, – призналась она. Все заулыбались – мама пошутила, она еще не совсем сдала! – на лице матери тоже отразилось слабое подобие улыбки. – Все вы мне сейчас так же дороги, как и в детстве. Поэтому я не хочу, чтобы вы обиделись.

– Мам, – не выдержала младшая, Лизавета. – Да ты нам жизнь дала, на что вообще после этого можно обидеться?

– Ну, вы же знаете, что меня наше государство награди-

ло. Медаль дали, а потом и два ордена Материнской славы. Вот, на тумбочке лежат мои награды, посмотрите, если кто не видел.

Зинуля взяла три маленькие красные коробочки и передала их братьям и сестрам. И каждый, в чьих руках они оказывались, каждый, кто открывал их и видел переливающиеся благородным блеском ордена и серебристый металл медали, словно снова становился ребенком, возвращался в прошлое и видел маму молодой, наконец-то понимая – каждый о себе – нечто очень-очень важное...

Бориса тоже посетило это видение и, возможно, гораздо более сильное, чем остальных. Он вспомнил, что мама считает его талантливым, не таким, как другие. Она ждет, что он добьется в жизни многого, значит, он должен.

– И вот, – продолжила мать, – я хочу передать свои награды старшей дочери, Алёне. Она была вам всем, как вторая мать. Алёна сама мать-героиня, она воспитывает тринадцать моих внуков. Я считаю, что именно ей и должна передать свои ордена.

Борис оторопел. Он вроде и не рассчитывал получить эти награды здесь и сейчас, но как само собой разумеющееся, полагал, что когда-нибудь именно ему мать передаст их с тем, чтобы он хранил реликвии и позднее вручил своему наследнику.

– Мама, зачем ты?! – заплакала Алёнка. – Что ты, пусть у тебя будут! Я не заслуживаю! Да вот хоть Борис, пусть возь-

мет! Он же самый младший сын.

– Борис, ты же согласен, что награды должны принадлежать Алёне? – спросила мать.

Он сглотнул, прокашлялся, чтобы не показать, как сейчас сжато его горло, и произнес, крича в душе «нет!»:

– Да, мама.

Плачущая Алёнка сейчас казалась ему некрасивой и лживой, а все братья и сестры – пустыми и чужими людьми. Не стать, не добиться ему ничего хорошего, это никому не нужно! В тот вечер, впервые с тех пор, как вернулся из Ставрополя, Борис крепко напился.

Мать умерла через месяц – просто не проснулась утром. На похороны снова съехались все ее дети, но уже с семьями. Когда пошли к кладбищу, за гробом шли человек восемьдесят родственников, да еще полсела. Борис шел в первых рядах, едва разбирая дорогу. Он пил с самого утра, надеясь обезболить душу, но лишь терял мысли и контроль за телом, а внутри оставалась все та же боль. А вот, отчего, он бы не ответил.

Андрей на похороны не попал – был на симпозиуме за границей. Алёнка страшно гордилась сыном. Да что уж там, все гордились. Большинство внуков бабы Даши выросли вполне умными и успешными, но в науку, да еще так по-серьезному, пошел только Андрей. Борис же думал, что будь у него такие же возможности (много книг в доме, да время, чтобы их чи-

тать, да отец, во всем помогавший, да мать, души в нем не чаявшая), он бы тоже не остался в этой деревне да не работал бы за копейки шофером! Но произносить вслух такое он не собирался, потому как понимал, что все это от лукавого. На похоронах Борис опять сильно напился, а потом пил беспробудно еще три дня. На работу вышел опухшим и злым, но ему и слова не сказали – мать умерла! С тех пор он стал пить. Временами – с некоторыми просветлениями, но чаще – без.

Наше время. Андрей

СТАРЫЙ ДОМ, из которого «вышла» вся семья, теперь совсем одряхлел. Андрей вдруг представил себе, как было бы здорово поселиться здесь и работать. Ездить, скажем, на пару месяцев в Москву по необходимости, а потом возвращаться и писать философские трактаты. Можно было бы ходить в лес, кататься на велосипеде по всем этим бесконечным деревенским дорогам, вдыхая пыль и запах лугов, сидеть, погружаясь в дрему, ранним утром над тихой заводью с удочкой в руках.

Теперь в доме жила одна только тётя Зинуля, которой перевалило за семьдесят. На здоровье она не жаловалась, а одиночеством судьба не наградила – в старый дом без конца приходили родственники. Причем необязательно к Зинуле. Завели привычку назначать друг другу встречи в родовом гнезде, как в кафе, предупреждая нынешнюю хозяйку о визите чисто формально. Но зато и не требовали гостеприимства – сами приносили пироги, домашнее сладкое вино, закрутки и конфеты из деревенского магазина. Ставили чайник на плиту, доставали чашки, рюмки и тарелки, а после посиделок всё самостоятельно убирали.

Тем не менее у Зинули была своя особая семейная роль – она перестала быть просто членом семьи, а превратилась в ее душу. Все сложилось естественно: Зина с детства была самой

доброй среди братьев и сестер. Не умела ябедничать и обижаться, не знала, как сладка месть или сплетня, не грешила ни единым пороком (правда, страстно любила сладкое!) да и не верила в них. К ней стремились все члены семьи – кто за сочувствием, кто за прощением, кто просто поболтать, а кто – за важным советом. Побочным итогом стала ее стопроцентная осведомленность обо всех семейных событиях.

Андрей привез тётё из Москвы коробку зефира в шоколаде, чай с бергамотом и потрясающей красоты индийский шарф. Зинуля очень обрадовалась подаркам, захлопотала с чайником, но по ее тону он почувствовал, что она смущена.

– Ты же никуда не спешишь? – спросила она, вдруг обернувшись к нему от плиты.

– А что?

– Да наши собрались зайти, на тебя посмотреть.

– Это очень хорошо, я как раз хотел всех увидеть.

– Ага...

Она полезла на полку за чашками, пытаясь занятостью скрыть какие-то свои мысли, по-видимому, весьма неприятные. Андрей не выдержал:

– Тётя Зинуля, о чем ты думаешь?

– Я? Ну, знаешь, Нинка хочет, чтобы я собаку во дворе завела. Типа – защита. А я и не...

– Зинуля!

– Ладно, ладно... – она села напротив Андрея и положила красивые крестьянские руки на полосатую клеенку. – Это

правда, что ты Борьке мамины награды привез?

– Да. Ты считаешь, я не должен был?..

– Что ты!.. Только не обижайся, но Боря сильно расстроен, что награды...

– Что награды?

– Они... поддельные.

Эти слова невозможно было предвидеть, ведь Борис – верующий человек, а ложь – грех. Однако Андрею показалось, что чего-то именно такого в глубинах своего подсознания он и ждал. Это вот так и должно было кончиться, вся их дружба, все то единство и та истинная близость, которой никогда больше ни с кем у Андрея не было.

– Ага, – сказал он. – И почему?

– Это же неправда? Он ошибся?

– Да, тётя Зинуля, он ошибся. Так почему же бабушкины награды поддельные?

– Ну, Борис решил, что ты продал настоящие. Эти награды – они же дорогие. Сколько бы они стоили? Как дом или как машина?

– В Москве – как три дня жизни. Но это неважно. Значит, я продал награды бабули и подсунул подделки Борису?

– Ты же сказал, что он ошибся! – уже с оттенком обиды сказала Зинуля. Ей было тяжело подозревать любимого племянника в такой низости, поэтому теперь, когда он отмел все подозрения, Зинуля хотела забыть об этом разговоре.

– И что, Борис только с тобой поделился?

Врать тётка тоже не умела:

– Он Лизе сказал, а она же у нас типа местное радио – сразу трещать начинает направо и налево. Но я тоже ей скажу, что Борис напутал и награды настоящие. Она всем и расскажет.

– Ясно.

На душу Андрея спустилась тьма.

– Андреюшка, я совсем расстроила тебя своей глупой бабьей болтовней! Но ты ж знаешь, Борис у нас всегда был не такой, как все. Хотел многого добиться, ждал, что мать похвалит, а ей все некогда было – с нами, с оравой такой!..

– Ничего, тётя Зинуля, ничего. Я не расстроился. А как родня поживает?

В тот день он не дождался родственников, а ушел сразу после чая с бергамотом. И ноги унесли его в лес.

Наше время. Борис

НАУТРО после встречи с Андреем Борис вдруг ощутил какую-то непривычную пустоту в душе. Такого давно не было, с тех пор, как он обрел веру и бросил проклятую водку. Борис пытался осмыслить, что могло породить эту пустоту, но в голову ничего не приходило. При этом он не сомневался в своей полной правоте – Андрей возгордился, поэтому заслуживает недружелюбия. И если Борис совершил грех, когда решил оклеветать бывшего друга, то это – между ним и Богом, а людей не касается. Сегодня был выходной, Борис планировал сходить на кладбище к матери, прибраться на могиле. Но только он собрался, как в дверь позвонили.

Это был Андрей. Его лицо не выражало ни единой эмоции, но говорил он быстро, ясно и решительно.

– Прости, – сказал ему Борис, – мне уйти надо.

– Уйдешь, – пообещал гость. – Но сначала – поговорим.

– Некогда мне.

– Ничего, подождут твои дела, дядя Боря.

Андрей решительно вошел внутрь и уселся на диван.

– Так, чего ты хочешь? – голос Бориса невольно дрогнул.

– Скажи, зачем ты оклеветал меня?

– Не клеветал я!

– Ты сказал тёте Лизе, что я вручил тебе поддельные награды бабушки Даши! Это как тебе вообще в голову при-

шло?

– Лизка все спутала! Ничего я ей такого не говорил!

– Тогда идем к тётё Лизе, ты все ей объяснишь!

– Это пусть Лизка мне объясняет! – Борис вдруг ощутил спасительный прилив раздражения. – А это даже хорошо, что ты пришел! Нам надо поговорить. Ты ведешь себя так, будто тут тебе все должны, а это неправильно. Надо скромнее быть, умирять свою гордыню. Тебя судьба баловала, а вот меня, например, нет. Знал бы ты, как мне тяжело в жизни было!

Андрей вздохнул.

– Знаешь, я вчера весь вечер бродил вокруг села и думал о нашей дружбе. Мне казалось, что ближе тебя у меня нет никого. И пусть жизнь нас разъединила, но души наши останутся родными на всю жизнь. Понимаю, что где-то и я виноват – меня сильно закружило, я от земли оторвался. Наука, жена, дети, книги. Да, я был занят, но кто бы меня ни просил о помощи – старался, как мог. Почему ты не попросил, если я тебе был нужен?

– Ну, это ты сейчас все это говоришь. Как бы я тебя, небожителя, просил? «Наука, жена, дети, книги!» Ничем бы ты мне не помог. Да и не нужна мне твоя помощь.

В комнате повисла пауза.

– Ладно, – сказал Андрей. – Пусть так. Я вот о чем ещё думал – для чего тебе так нужны материнские награды? Помнишь, ты ведь всем родственникам рассказывал, как это

несправедливо – отдать их моей матери! Сначала я решил, что все дело в памяти, но потом стал понимать другое. Тебе ведь не награды нужны, а материнская любовь! Ты на нее особо жадный был. Может, потому что более чутким родился. И я мог бы понять тебя, если бы ты не жалел себя, а шел вперед, боролся и добивался. Но ты предпочел другой путь, а он довел тебя до самой крайности – до лжи и клеветы, зависти и религиозного лицемерия. Ты, Борис, сбился с праведного пути, потому и потерялся в жизни. Тебе нужно съездить в Старый Ильмень, в Храм Архангела Михаила, там находится икона Божьей Матери «Взыскание погибших», которая вернулась в церковь спустя сто лет благодаря нашему роду. Приложись к иконе и помолись, она обязательно тебе поможет, она всем заблудшим и отчаявшимся помогает. Прощай, Боря.

Андрей встал. На долю секунды он и Борис встретились глазами и оба, словно бы вживую, увидели свое прошлое – лесную глухомань, ледник в Фанских горах, костры и мечты... Но этот миг пролетел, и они снова стояли в тускло освещенной комнате, наполненной старыми вещами и старыми обидами. Андрей повернулся к бывшему другу спиной и направился к выходу. Борис поднял руку, словно хотел его задержать, но так и остался стоять с протянутой рукой, когда хлопнула входная дверь.

Взыскание погибших

Пролог

АНДРЕЙ ЗУБОВ не смог бы объяснить, как это могло случиться, но он совершенно ясно ощущал себя ребенком, едва достигшим четырехлетнего возраста. Вот он стоит в середине самой большой комнаты в родительском доме в Старом Ильмене, одетый только в широкую и длинную, до колен, рубаху. Тут же, неподалеку, мать с отцом – Андрей не смотрит на них, только слышит их молодые голоса, звучащие так, как будто они ощущают себя причастными к какому-то таинству и очень этим взволнованы. И он знает, что это таинство напрямую связано с ним самим. Андрей слышит еще один голос, произносящий непривычные, но знакомые для его слуха слова. Другой, взрослой частью своего сознания он понимает, что именно происходит в этот момент: его крестит отец Алексей, уже немолодой священник, живший в то

время в соседнем селе, где действовала маленькая старинная церквушка, каким-то невероятным образом выпущенная из внимания советскими властями. Крещение происходит дома, так как в то время окрестить ребенка в церкви было практически невозможно. Окошко полуприкрыто ставней, слабый свет, льющийся на некрашенные доски пола, словно иллюстрирует суть таинства – дитя обретает свет веры, теперь его жизнь наполняется высшим смыслом, теперь только Бог направляет и судит его...

Андрей ощущает, что даже в те малые годы его сильно потрясло таинство крещения. Он глубоко осознал – на всю жизнь, до самого ее финала – разницу между своим прежним состоянием и нынешним. И пусть впереди еще долгий путь ко взрослости, но Андрей уже другой. Он отвечает перед Богом, но ему не тревожно, не страшно, не суетно. Он ощущает удивительное чувство осмысленности бытия, готовность к испытаниям и... радость.

Отец Алексей вступает в полосу света. Андрей поднимает глаза и видит прямо перед собой, на фоне неясной фигуры священника, близко, отчетливо и предельно осязаемо доброе лицо Богородицы и прижавшееся к ее щеке лицо Младенца. В какой-то миг Андрей перестает понимать, что перед ним икона. Он видит движение воздушного потока, ласкающего золотистые кудри Христа. Он различает в глазах Богоматери горестное предчувствие неотвратимого грядущего. Время останавливается, замирает, как будто бережет Его и

Деву Марию от трагических событий.

Но и этот момент проходит, лицо Богоматери удаляется. Андрей шепчет во сне: «Взыскание погибших!»

И просыпается...

В контраст благодной тишине сна и охватившему его счастью пробуждение оказалось подобно падению с небес на землю. Андрей резко сел на кровати, вытирая ладонью холодный пот.

– Андрюша, что случилось? – разбуженная его резким движением, Таисия тоже села в постели.

Ее теплые руки взяли его за запястье.

– Андрюша, дай проверю пульс... Как твое сердце?

– Тая, не волнуйся, я здоров!

– Кошмар приснился?

– Нет, наоборот. Приснилось, как меня крестили. Но у священника была бабушкина икона, понимаешь? Я так ясно видел ее, Тая! Так ясно!

– Но это может означать только одно, Андрей!

– Что?

Таисия смотрела на него ясным взглядом человека, глубоко уверенного в своей правоте:

– Ты не можешь оставить все так, как есть! Ты должен найти и вернуть икону в храм.

– Знаешь, – Андрей повернулся к жене и взгляделся в ее прекрасное лицо, вдруг напомнившее ему лик Девы Марии –

так много доброты и понимания светилось в нем. – Знаешь, а ведь это не случайный сон. Просыпаясь, я сказал «взыскание погибших»...

– Это означает, что ты не должен отчаиваться, – догадалась Таисия. – Этот образ помогает «погибшим», то есть тем, кто впадает в грех уныния, сдаётся перед болезнью, ложным наветом или другой напастью. Если ты смиришься и забудешь про то, что икона пропала, то ты совершишь грех.

– Богородица просит меня не поддаваться унынию, – согласился Андрей. – Тая, ты правильно все объяснила. Я это чувствовал, но не мог выразить, а ты...

– Сапожник без сапог, – улыбнулась Таисия. – Почему вы, философы, такие беспомощные, когда философская проблема возникает в вашей собственной жизни?

Он прижался к жене:

– А зачем мне сапоги? У меня есть ты!

Андрей прошелся на кухню, выпил воды из-под крана, вернулся в постель. Он испытывал чувство, как будто избавился от бетонной плиты, давившей на его грудь все последнее время – с тех пор, как узнал о пропаже образа «Взыскание погибших» из ильменьского храма. Таисия свернулась под одеялом калачиком и, похоже, уже спала. Она вообще умела засыпать в любой обстановке и после любых, даже самых сложных, разговоров. Он лег на свою сторону кровати, стараясь не мешать жене. Вряд ли ему удастся уснуть до утра.

– Андрюша, – пробормотала Таисия. – Я так счастлива,

что ты решился искать икону! Меня страшно пугала твоя депрессия. Но теперь я уверена, ты вернешь ее в храм!

Андрей молча нашел ее руку и сжал. Горло перехватил спазм – это рвались наружу слезы благодарности и стыда. Благодарности к жене, к Богу, к испытаниям, им посланным. И стыда за то, что позволил унынию одолеть себя после того, как начальные поиски иконы не привели к результатам. Но теперь он знал, что продолжит искать икону, обязательно найдет ее и вернет в храм.

И не так уж важно, что пока он еще не знает, как сделать это.

I

БЕЛОГОРОВ стоял на берегу реки, глядя в ее серо-синие тяжелые воды и еще раз спрашивая себя – готов ли исполнить намеченное? Готов ли отказаться от привычек сытой городской жизни? Поездок в Санкт-Петербург и за границу, общения в богемных салонах, от долгих бесед о живописи, от театральных премьер, каплуна, фаршированного трюфелями?.. От славы, которая пришла к нему, мальчишке из разночинной среды, воспитанном при монастыре, не имеющему ни гроша и умевшему лишь слабо отражать малую толику красоты Божьего мира на своих убогих холстах. Откажется и не пожалеет? Ведь он хочет навсегда изменить свою жизнь.

– Коляска прибыла, барин, – сказал вдруг возникший за спиной Белогорова Макар. – Едемте в город. От реки уже холодом тянет.

Макар всегда держался так, будто не он служил Белогорову, а Белогоров – ему, но теперь это уж точно не имело значения.

– Мы не в город, мы к архимандриту. Он ждет меня.

– Да для чего это в такую даль на ночь глядя тащиться?!

Белогоров молча сел в коляску и с удовлетворением услышал, как Макар распорядился, чтобы извозчик вез в Воскресенское, то есть к владыке Феофану.

По дороге Белогоров задремал. Видимо, в последнее вре-

мя он слишком часто думал о своей жизни, потому что она привиделась ему в том коротком и поверхностном сне. Он увидел тех, кто составлял его счастье в прежние годы: жену Полину, дочку Лизаньку и младшего из двоих его сыновей – трехлетнего Алексашу. Художник любил их безмерно, а когда его творчество стало приносить стабильный доход, нещадно баловал, словно хотел искупить свой отцовский грех – раскол со старшим сыном Родионом. Родя был ребенком от первого брака, продлившегося всего ничего и кончившегося вместе со смертью Прасковьи, первой жены Белогорова. Зато со второй женой художник прожил в полном счастье десять прекрасных лет. И теперь он не мог вспоминать об этих временах без острой злой тоски. Может быть, именно из-за уверенности в своем счастье Белогоров не ощутил опасности, когда началась эпидемия холеры. Болезнь подобралась так скоро и незаметно, что гибель всей семьи оказалась для него одномоментным мигом полного краха. Остался только Родион. Вечный студент, непримиримый нигилист, отщепенец, бездельник и лодырь. Он приехал на похороны, и тогда ошалевший от горя Белогоров увидел в нем и себя, и Полину, и Лизаньку, и Сашу. Он решил, что больше не позволит сыну отдаляться, что сделает его своей частью, отдаст за него все. Спасет, перевоспитает или смиритсся с тем, какой он есть. Но уже через три дня и Родя слег с холерой. Вот тогда Белогоров и ощутил невыносимый страх, все отчаяние и тоску оставленного на вечное мучение уле-

тевшими ангелами грешника. Он метался у постели больного сына, звал одного за другим всех врачей, что остались в городе. Он рвал на себе волосы и истово молился за жизнь своего единственного живого ребенка. Однажды ночью он понял, что Родя не дышит. Стал трясти его, затем побежал за врачом. По дороге, наверное, потерял способность сообщать, так как очнулся в церкви, у очень старой, покрытой потемневшей олифой, иконы.

– Не дай мне отчаяться, Матерь Божья, – взмолился он. – Не дай мне погибнуть в отрицании, не дай потерять веру, погубить душу!

Он хотел, чтобы произошло нечто такое, что помогло бы ему не потерять те остатки преданности Богу, ту искру чистой веры, что еще теплилась в нем после потери самых любимых на земле существ. Художник молился за Родиона со всей любовью, позабыв об их разногласиях и дурном поведении сына. У иконы он провел несколько часов, забыв о времени, о холодеющем дома теле Роди. Очнулся около полудня, когда почувствовал на плече чью-то руку. Повернулся. Это был старый священник с усталыми глазами.

– Ты пришел к той самой иконе.

– К какой?

– «Взыскание погибших», конечно. Иди уже, дитя, отдохни. Она услышала тебя.

Белогоров встал и поплелся домой. Едва переступив порог, услышал сиплый шопот:

– Воды, отец... где же ты был так долго?!..

Родион оказался жив. По его словам, он заснул вечером так крепко, что не смог проснуться, даже когда отец зарыдал над ним, приняв за умершего. Но, выслушав Родю, Белогоров странно посмотрел на сына, осознавая невероятное – ему даровано самое настоящее чудо. Родиону была возвращена жизнь. И это чудо произошло после обращения к иконе Богородицы «Взыскание погибших». Теперь, когда Родион совершенно поправился и уехал в Петербург, Белогоров ехал к архимандриту Феофану, хорошему знакомому и большому ценителю живописи, причем необязательно духовного содержания. Художник хотел просить благословения на свою новую работу – он считал своим долгом сделать список «Взыскания погибших» и отдать его в ту церковь, которой он понадобится. А после присоединиться к духовной братии монахов.

Основой иконописи Белогоров владел достаточно, так как в отрочестве учился рисовать в школе при монастыре. Его наставником был один известный в те годы иконописец. Двадцатилетний перерыв в этом деле не имел значения – теперь Белогоров ощущал потребность писать душой, а не рукой. Он волновался за другое – удастся ли ему выполнить список на нужном уровне, будет ли его работа достойна той иконы, что спасла Белогорову и сына, и душу?!

...Екатерина Васильева умерла зимой, ей было девяносто

пять лет. Андрей не смог приехать на похороны бабушки – был на конференции во Владивостоке. Хотел прилететь на самолете, но из-за грозы, разразившейся где-то на промежуточных этапах, все рейсы оказались отложены. Прометавшись полдня в поисках обходного маршрута, расстроенный и опустошенный Андрей вернулся в гостиницу... В Старый Ильмень он и Таисия выбрались только летом. Таисию тоже выбила из колеи смерть Екатерины Васильевны, она любила старушку – удивительно понимающую, чуткую и умевшую сочувствовать.

– Люди разные, – говаривала она. – Все они хорошие и все плохие. А зло рождается от вранья. Правду говорить трудно, а еще сложнее – принимать правду.

Вот и брала она на себя самое сложное – принятие правды. Зубовы традиционно останавливались у родственников – Марии и Валентина, приютивших у себя бабушку Екатерину в ее последние годы. Андрей мечтал, чтобы бабушка переехала к нему в Москву, где и условия более комфортные, и медицинская помощь на несколько порядков выше, но она наотрез отказалась покидать родную землю. Это было понятно и объяснимо, но душа Андрея все равно болела, хоть бабушка и не осталась одна в глубокой старости. Мария и Валентин работали в колхозе – она дояркой, он агрономом. Жили просто, любили гостей, знали кучу историй о жизни родни и с удовольствием потчевали гостей ими, а также – пирогами с яйцом и рисом. Пока бабушка Екатерина была

жива, Андрей постоянно присылал родственникам небольшие суммы – на лекарство, на вкусности, на поддерживающий ремонт в доме. А Мария с Валентином регулярно отписывались ему – как бабушка себя чувствует, как ее настроение, что интересного вспоминала и рассказывала. Но о самом важном они, согласно семейной традиции, умалчивали.

По дороге Андрей вспоминал свой прошлый приезд в Старый Ильмень, год назад, когда он еще не знал, что видит бабушку в последний раз. А она – знала. Поэтому и позвала его прогуляться во двор, пока собравшиеся в честь приезда Андрея родственники пили чай с вареньем и сладкими ватрушками.

– Андреюшка, я сейчас тебе кое-что расскажу, а ты просто послушай. Мы об этом стараемся не говорить. Понимаешь, жизнь выпала непростая, иной раз молчание и жизнь спасало.

– Бабушка, ты здорова? – забеспокоился внук.

– Ну, конечно! Вы все обо мне заботитесь, все хорошо. А расскажу тебе о том, что моя мама всю жизнь хранила, а потом и мне беречь завещала. Это старинная икона Богородицы «Взыскание погибших». Она спасает тех, кто потерял надежду, кто иссяк в вере, ослаб, стал беззащитен перед кознями лукавого, понимаешь, Андреюшка? Как по мне, так это самая важная икона из всех! И сила ее огромная. Вот мама моя, она же в самые страшные годы икону берегла! И образ давал ей силы верить в Бога, не сдаваться. Ужасные то бы-

ли времена – церкви рушили, у людей живьем души вырывали!.. Икона хранилась в том доме, где ты вырос. Помнишь, наверное, что твой отец подарил свой дом моей матери, когда вы семьей в Таджикистан уехали?

– Значит, вы с бабушкой Марией все эти годы хранили икону и молчали?! – изумился внук.

– Андреюшка, ну, а как?.. Я б кому сказала, а он бы еще кому, а там бы пришли эти люди, которые всем заправляли, да и отобрали бы. И сожгли!

– А скорее бы за границу продали и деньги прикарманили, – буркнул Андрей. Хоть и собирался он промолчать, как учила бабушка, да не смог.

– Да неважно! Деньги эти стали бы им поперек горла. Я вот о чем мечтаю, внучек: о тех временах, когда можно будет икону эту людям принести. Чтобы приходили и молились перед ней, а она бы возвращала им надежду, веру, от отчаяния оберегала. И мама моя этого хотела, но не верила, что такие времена вообще когда-нибудь наступят. Как ты, что думаешь, когда-нибудь, пусть еще через полвека, сможем мы отдать икону людям? Им же плохо без нее, они же в отчаянии!

– Бабушка, но времена-то изменились. Мало-помалу, но люди к вере возвращаются, церкви строят, детей крестят. Я думаю, что приближается тот день, когда можно будет мечту Марии Дмитриевны воплотить в жизнь.

– Ты только не торопись, внучек, не надо! Заранее обдумай, кому передашь и как. Только представь, сколько лет на-

ша семья берегла «Взыскание погибших»! Только подумай, каково пришлось моей маме, когда она жизнью ради нее рисковала!

– Жизнью?..

– Почитаешь потом, – кивнула бабушка. – Я мамины воспоминания записала, когда ей сто лет исполнилось. Слово в слово, как она говорила. Мама уже не могла писать – зрение сдавать стало, но память осталась крепкой! Так, значит, говоришь, возрождается вера у людей?

– Ты, наверное, знаешь, что по законам марксистского диалектического материализма история развивается по спирали, – Андрей покрутил пальцем в воздухе. – Это означает, что все исторические явления повторяются, но на новом уровне, понимаешь?

– Возвращается то, что раньше было, но по-другому? – с большим интересом уточнила Екатерина Васильевна.

– Ага. А православие – это часть нашего народа, его сущность. И теперь оно возрождается.

– Значит, эти безбожники сами себе яму выкопали? – усмехнулась бабушка. – Так я и знала! А все-таки, ты не торопись икону передавать в эти новые церкви. Негоже будет ее потерять – тогда окажется, что вся жизнь моей мамы не имела смысла...

В окно выглянула Мария, помахала рукой – мол, чего это вы там гуляете? Гости ждут!

Андрей ответил ей улыбкой и понимающим кивком.

– Андреюшка, – заторопилась бабушка. – Икону ту я в наследство тебе оставляю. А еще записи, что сделала по словам матери. Ты почитай их и все поймешь. Наследство передам через Валентина и Марию. Хорошие они люди, никогда не отчаиваются!

...И вот, спустя целый долгий год, Андрей собирался прийти на могилу бабушки.

О том, что Валентин и Мария должны вручить ему икону, он помнил, но пока не думал об этом. Андрей понимал – это не просто наследство, а передача святыни на временное хранение в его руки, поэтому пока не испытывал даже законного человеческого любопытства к старинной вещи. Сейчас он был погружен в мысли о прощании с Екатериной Васильевной.

Деревенское кладбище было очень старым, деревьев здесь выросло уже больше, чем в лесу, а общий пейзаж отражал спокойствие и мудрость вечного приюта.

Мария и Валентин гордились тем, как обустроили могилу Екатерины Васильевны.

– Во-первых, рядом – Мария Дмитриевна, мама бабушки Екатерины, – рассказывал Валентин. – Во-вторых, место сухое, чуть выше других.

– А в-третьих, смотрите, Андрей, Тая – памятник-то какой!

Таисия, уважая труды родственников, хвалила результаты их усилий, а Андрей не мог заставить себя и слово сказать.

Зимой, узнав о смерти бабушки из телефонного разговора с Валентином, он, где-то в глубине души, не сумел поверить этому. А вот сейчас – поверил, но не смирился.

– Идемте домой, – сказал он. – Пора.

Застолье в этот раз имело печальный оттенок. В основном, из-за Андрея, который, как ни старался, не мог скрыть своё горе. Он заново переживал потерю близкого ему человека, и сердце его сжималось снова и снова. «И вот, ты уже взрослый и родителей схоронил, и дети у тебя большие, но уход бабушки вдруг становится последним штрихом на картине твоего прошлого. Детство, юность, первые переживания и самые яркие сюжеты, которые когда-либо складывались в жизни, ушли в прошлое, так как им нет свидетелей. О них некому вспомнить, кроме тебя самого. Это и есть сиротство», – думалось Андрею.

Видя сникшее настроение основного гостя, несмотря на все попытки Таисии сгладить ситуацию, родственники стали прощаться раньше времени, а хозяйка – прибираться. Наконец, когда все разошлись, Валентин, обменявшись с Марией взглядом, вышел на минуту из комнаты. Вернулся он, держа в руках какой-то плоский прямоугольный предмет размером с большую коробку конфет, обернутый в очень старое пожелтевшее, но чистое льняное полотенце. Он сел рядом с Андреем, провел по столу тыльной стороной руки, чтобы убедиться в чистоте поверхности, и положил предмет перед собой. Аккуратно развернул. Подошли Мария и Та-

исия, молча стали рядом с мужчинами. В комнате повисла какая-то особенная тишина, волнующая и даже торжественная.

– Андрей, я думаю, что пришло время выполнить завещание Екатерины Васильевны, – сказал Валентин. – Ты, я вижу, загрустил. А грусть – это малая капелька отчаяния. Мы все понимаем, что отчаяние – страшный грех, так как большое отчаяние – это потеря Бога. Вот поэтому бабушка и передала тебе эту святыню, икону Богоматери «Взыскание погибших». А вот в этой тетрадке – воспоминания прабабушки, Марии Дмитриевны, записанные бабушкой Екатериной.

Только сейчас Андрей вдруг понял смысл всего происходящего и ощутил трепет предчувствия. Валентин развернул полотенце. Под светом электрической лампы вдруг открылся лик, полный милости и прощения. Андрей сглотнул, неожиданно для себя самого ощутив мощный внутренний подъем. Он поднял глаза на жену – она едва заметно улыбалась, словно отражая в своих чувствах все то, что содержала в себе святыня. Тогда впервые Андрей заметил едва уловимое, но совершенно очевидное для него сходство между ликом Богоматери и лицом Таисии. Этой мыслью он никогда и ни с кем не поделился, понимая, что в ней есть – пусть небольшое – святотатство. Даже Таисии не следовало этого знать. Но и спустя годы, видя эту икону или ее изображение, он вспоминал о жене и об этом самом моменте обретения «Взыскания погибших».

«Не позволяй мне отчаяться!» – попросил Андрей, глядя в глаза Девы.

II

БЕЛОГОРОВ стоял в мастерской монастырского столяра, рассматривая доски для иконы. Он мучился выбором уже несколько дней, терзаемый мыслью о том, что неправильно составленная или плохо обработанная доска может испортить всю его работу. Столяр, между тем, попался зловредный и делать доску по параметрам и требованиям Белогорова не желал. Говорил, что доска – се есть часть креста Иисуса и капризничать с такими вещами грешно. Недружелюбие его было понятно: Белогоров в Свято-Духовом монастыре смотрелся совершенно инородно – светский по виду и поведению человек с претензией писать иконы! Здесь и своих иконописцев было пруд пруди и все – уже известные. Неважно, что иконы мастерами не подписываются, как обычные картины. Знатоки прекрасно различают разные иконописные школы и почерки иконописцев. А вот рука Белогорова будет отличаться от манеры местных мастеров и как это отразится на их репутации – неизвестно.

Белогоров мог бы ответить на эти нападки, если бы они высказывались ему в лицо, но монахи замолкали при его приближении и прятали глаза. Впрочем, его позицию знал настоятель, с которым художник встретился после благословения архимандрита.

– Вам не надо опасаться за репутацию наших мастеров, –

пояснил настоятель Белогорову. – Владыка дал благословение только на один список, а он уйдет в новую церковь в Старом Ильмене, где его видеть будут только местные верующие, а не знатоки канонов.

Несмотря на свое внешнее несоответствие монастырю и всей братии, Белогоров собирался подойти к делу со всей серьезностью. Он видел в работе над иконой не столько творческую задачу, сколько духовную практику. До начала работы следовало очистить душу через пост и молитву, а уже затем брать в руки кисть. А перед этим следовало подготовиться. Найти доску с ковчегом, то есть, выемкой на лицевой стороне, где собственно и расположится образ. Подготовить все составляющие для краски или правильно сказать – температуры. Подобрать кисти, сделать эскизы, найти удобный для работы угол в мастерской. На такие вещи было бы обидно отвлекаться, когда придет творческий экстаз. Во всяком случае, Белогоров очень надеялся на его приход. Держа в руках очередной брусок липы, Белогоров снова видел в нем лишь недостатки. Он положил дерево на стол и пошел прочь. Вышел за монастырские стены и направился в город, а точнее в храм, где находилась икона, с которой он собирался делать список. Добрался часа через полтора, прилично устав, и, переступая порог храма, не подумал собраться с мыслями. Он остановился перед иконой «Взыскание погибших», разглядывая, как в солнечном свете мерцают слои температуры и думая о том, что доска для иконы должна быть еще и высушена

правильным образом...

Невольно его взгляд встретился со взглядом младенца.

– Что же это я? – ошарашено произнес Белогоров. – О чем я суечусь? О чем беспокоюсь? Разве дело в доске? Дело во мне. Я боюсь начинать работу, так как не верю, что справлюсь. Я хороший художник, но по силам ли мне передать истину? Господи, я просто боюсь неудачи!

Он огляделся по сторонам. Несколько прихожан молились в разных частях храма, не обращая на Белогорова ровно никакого внимания.

– Страх работы – это погибель для художника. Матерь Божья, не позволь мне отчаяться!

Он постоял возле иконы еще немного, но ничего особенного больше не почувствовал. Разве что растущую уверенность в том, что пора начинать работу. В тот же день он выбрал доску для списка и начал поститься.

...Несколько дней отпуска на родине стали для Андрея духовным путешествием в свои воспоминания. Он много бродил по округе, думал о братьях и друзьях, а с теми из них, кто остался жить в селе, постарался встретиться и пообщаться. Не удалось увидеться только с Захаром Тимофеевым, который, по местным меркам, стал большим человеком – возглавил сельскую администрацию. Видимо, местная власть решала во благо земляков какие-то небывалые по объему задачи, так как Захар не нашел минутки для встречи с однокашником. Это было жаль – в детстве и юности они дружили.

На обратной дороге Андрей уже не вспоминал о прошлом – его отпустило. Он размышлял о будущем, и не только о своем. Икона ехала с ним, аккуратно уложенная на самый верх его чемодана вместе с тетрадкой воспоминаний прабабушки. В тетрадку Андрей пока не заглядывал – он предвкушал этот особый момент и ревниво загадывал, что останется с ценными словами один на один, сам их прочитает и ни с кем не поделится! И только насладившись, он позовет Таисию с детьми и уже вместе с ними начнет изучать записи пристально. Тут он подумал об иконе, причем с тревогой. Святыня выглядела, мягко говоря, неухоженной. Она нуждается в реставрации, а потому следовало срочно связаться с приятелем Николаем, профессиональным реставратором, и попросить его обновить икону. Только бы он был свободен и в городе!

Потом Андрей задумался о том, как хранить старинный образ в тот период, когда он будет находиться в его доме? Не хотелось уподобляться псевдоинтеллигентам, что украшают иконами свои шикарные квартиры и откровенно хвастают ими перед знакомым, демонстрируя свой материальный достаток (старинные иконы были и остаются самым дорогостоящим антиквариатом). Ну, нет. Он философ, а не стяжатель, ему не пристало выставлять святыню на обозрение в качестве дорогого интерьерного аксессуара. Андрей глянул на жену. Она спокойно смотрела вдаль и вид у нее был совершенно безмятежный. Он даже не ожидал, что Таисия так обрадуется иконе. Она часами смотрела на нее, находя в ней

какие-то новые уникальные краски и линии, даже пыталась срисовать лики. Захочет ли жена хвастаться бабушкиным наследством или... Это было нехорошо, учитывая их двадцатилетний брак и совместно приложенные к воспитанию детей труды, но он не смог удержаться от проверки.

– А что, Тая, как ты видишь судьбу «Взыскания» в дальнейшем? – его голос прозвучал с обманчивой прозаичностью.

Она повернулась к нему с улыбкой, будто ждала этого вопроса и уже подготовила ответ.

– Ты же в курсе, что церковь в Ильмене скоро откроется после ремонта?

– Ну, вроде... мы так и не посмотрели на нее, а надо было!

– Вот именно, надо было! Не думаешь, что нам надо отдать икону в эту церковь, чтобы люди могли молиться?

Она сказала именно то, что говорила в свое время бабушка Екатерина: «Отдать людям»!

– Тая, я редко такое говорю, но...

– Ты очень меня любишь, – закончила она чуть насмешливо.

– Не очень... – он выдержал интригующую паузу, наблюдая за поднимающимися бровями жены, и добавил: – Безумно.

Дома они долго смотрели на икону, осветив ее настольной лампой. Каждый думал о своем и каждый удержался от вопросов и комментариев, чтобы не помешать внутреннему

диалогу другого.

Спустя несколько дней все сложилось и с реставрацией – Николай по-прежнему работал в Центральной художественно-реставрационной мастерской. Когда Андрей привез ему свой список «Взыскания погибших», он полчаса рассматривал икону под лупой, а потом забегал по мастерской и замахал руками, выплескивая свои эмоции через физическую активность.

– Андрюша! Андрюша! Ты хоть знаешь, что это? – последние два слова Николай произнес с прищептыванием и придыханием, широко раскрыв свои зоркие маленькие голубые глазки. – Это же шедевр!

Андрей сдержал смешок, хоть восторг Николая и выглядел невозможно комичным.

– Правда, Коль? – переспросил он радостно. – Я знаю, что икона старинная, знаю, что красивая, но в искусствоведческом плане не специалист и оценку такую дать не могу.

– А я могу! – гордо сообщил Николай. – Я вот, как раз, не чувствую в произведениях искусства их божественности, а вижу только гениальность или наоборот... – он снова подскочил к своему рабочему столу и уставился на икону. – Чья же это работа?..

– Подписи нет.

– И не может быть! Иконописцы не подписываются! Они считают, что их рукой Бог двигает, так что хорошая икона –

это заслуга Всевышнего. Ну, это я тебе просто передаю то, что знаю об иконописи. А как историку искусств, мне очень интересно, кто написал икону. Конкретно эту...

Николай снова прилип к увеличительному стеклу. Андрей позволил себе широко улыбнуться, зная, что не будет застигнут врасплох. Он любил Николая, хоть они и не были близкими друзьями, да и виделись нечасто. Но если и был в жизни Андрея кто-то абсолютно светлый, преданный своему делу и добродушный до крайности, то это – Коля-художник. Он работал реставратором в лучшей мастерской России, а также писал книги о живописи второй половины XIX века, читал лекции в престижных вузах, ездил по всему миру и... умел радоваться жизни. Каждый раз, слушая Николая, Андрей удивлялся тому количеству приятных сюрпризов, которые преподносила ему жизнь. Или... он просто умел их замечать?

Мало кто из окружающих Николая людей знал, какие испытания выпали на долю этого невысокого узкоплечего живчика! Его мать двадцать лет была парализована и требовала постоянного ухода. Страдания превратили бедную женщину в злобное существо, полное зависти к здоровым людям и горечи по поводу своего положения. Но ни разу Николай не пожаловался на мать. Её смерть, случившуюся лет восемь назад, Николай переживал так сдержанно, что окружающие даже не догадывались о его горе. И тут настигла новая беда: у его дочери проявилось психическое расстройство. Ни-

колай снова молча держал удар, скрыв свои чувства. Может быть, поэтому его профессиональная радость была так приятна Андрею – пусть Николай порадуетя и как можно дольше не вспоминает о горестях.

– Конечно, икона писана по канону, хорошей темперой. Вот тут, на участке с синей краской – слоев двадцать, не менее. Ты в курсе, Андрюша, что синий цвет на иконах – это редкость? Но я все-таки вижу руку светского художника, не монаха, который пишет иконы одну за одной и ничего более не может и не хочет. Здесь – другое... Тот, кто писал этот список, пришел к иконописи по велению души, у него есть какая-то история. Ах, как интересно!

– Сколько времени займет реставрация?

– А сколько ты можешь дать?

– Нет, я не ограничиваю, просто люблю знать перспективы.

– Ну, по-хорошему, мне надо месяцев шесть-восемь.

Николай бросил на Андрея тревожный взгляд – согласится ли?

– Да пожалуйста! Хоть целый год.

– Отличненько! – Николай просиял. – А я тебе за терпение добром отвечу. Постараюсь узнать об иконе все, что возможно. Паспорт реставрационный оформлю. И, если ты не против, я об этой реставрации подготовлю отчет для коллег. У нас будет конференция через год, и я там представлю эти данные.

Энтузиазм Николая не знал границ! Андрей ушел из его мастерской довольный и вдохновленный, но с ощущением разлуки. Икона уже успела прикипеть к его сердцу.

Поздно вечером, когда Таисия отправилась спать, Андрей сел за свой рабочий стол и открыл тетрадку с записями бабушки. Воспоминания Марии Дмитриевны интересовали его чрезвычайно. Сам он прабабку едва помнил. Она была очень старенькой и погруженной в свои мысли, а он – слишком молодым и направленным во внешний прекрасный мир. Точек для соприкосновения было немного. Сейчас он восстановил в памяти только ее профиль – открытый высокий лоб, чуть удлиненный прямой нос, линию рта с небольшими заломами, идущими от уголков губ, упрямый подбородок. Помнил Андрей и ее руки. Кисти с узкой ладонью и немного расширенными кончиками пальцев. Кожа на руках была молочно-белая безо всяких пигментных пятен. Эти руки так много умели, но в них было так много усталости!

Рукопись начиналась просто:

«Мария Дмитриевна Зубова, урожденная Опарина, 1876 года рождения.

Родилась в селе Старый Ильмень Казанской губернии.

От ее имени записала дочь Екатерина Васильевна.

Во имя Божьей Матери и ради сохранения памяти хочу оставить то, что знаю о нашем селе. Также хочу рассказать о спасении святой иконы Богородицы «Взыскание погибших». Это самое важное, что я сделала в своей жизни. И как бы ни

было мне страшно иной раз, как бы не хотелось отбросить эту ношу, я смогла удержаться, но только потому, что икона сама хотела быть спасена, чтобы приносить людям душевное спасение, защищать от уныния, сохранять веру. Гордиться себе позволю только тем, что именно мне выпала роль хранительницы святыни. А каждому из нас испытание выпадает согласно его силам. Знаю и верю, что дочь моя и потомки наши тоже смогут выдержать любые невзгоды ради спасения этой иконы. Завещаю им это и молюсь за них.

О селе нашем, Старом Ильмене, я помню больше всех, кто здесь живет, так как отметила свое столетие, и все события за этот век случились на моих глазах. Верю всей душой, что Ильмень – особое место, где живут особые люди, потому что «Взыскание погибших» попало именно к нам. Наверное, Бог хотел дать нам особую опору в трудные времена. Я в это верила и молилась пред иконой Богородицы не только за себя и детей, но и за моих односельчан, а то – и за всех людей в мире, так как зла в нем много и горя много.

Я не образованна, только в приходской школе при церкви поучилась, но знаю, что все неправое творится, когда люди теряют веру. Они думают, что теперь все, ими сотворенное, будет идти на их пользу, а о плате за причиняемое зло не думают. Но потом приходит тот миг, когда Бог возвращает нам то, что мы заслужили своими делами и тогда уже поздно просить прощения. А вот для людей искренне верующих, скромно молящих об избавлении, есть заступничество Бого-

родицы и через это – прощение Бога. Вот для чего я хранила образ Матери Христа «Взыскание погибших».

Что же касается нашего Старого Ильменя, то помню я наше село вольным и богатым. Когда-то у нас был помещик, но потом крестьянам дали волю, и люди стали жить свободно. Когда я была маленькой, все у нас жили хорошо. Растили хлеб, лен, ягоды в лесу собирали и грибы. В каждом дворе была корова, а то и две, козы, куры. Моя мать пряла из козьей шерсти, а пряжу в городе продавала. Ее хорошо покупали – белая, чистая, нежно пахла ягнятами. Но чаще в город батя ездил – он был бондарем, то есть, набивал бочки. Набьет с десяток – и в город везет. В господские дома, на винокурню, а остатки – на ярмарку. Мы хорошо жили, но старшие нам, детям, говорили, что добро Бог дает за то, что мы его почитаем, а также – за трудолюбие и правильную жизнь. В это верю и сейчас.

После рождения я была крещена в церкви Святой Троицы, которую тогда только построили на месте молельного дома. Тот дом я уже не видела, а мама говорила, что был он маленьким – люди приходили на службу и во дворе попа слушали, так как все в дом не вмещались. Новая церковь была деревянная, большая, как господский дом бывшего нашего помещика Юсуфова, искусно выстроенная, а купола раскрашены в голубой цвет и украшены золотыми звездочками. В ней была церковная серебряная утварь, подаренная женой Юсуфова, а также несколько икон. Сельчане любили эту цер-

ковь, но в 1877 году она сгорела. Пожар случился только в ней, в селе не сгорело ни одного дома, а причина, наверное, в том, что служка не усмотрел за горящими свечками. Он должен был следить, чтобы свеча до конца не догорала и на пол не падала. Служка тот бежал из села, поэтому люди признали его виноватым. Приезжали из города начальники, спрашивали, кто, мол, в ответе за пожар? Но мы говорить про служку не стали. Тут осталась его мать – каково бы ей пришлось, кабы его признали виновным да в кандалах на каторгу отправили?..

Без церкви жить стало невозможно – кто б ни родился-женился-помер, приходилось ехать в соседнее село, а там и своих забот у священников было полно и нас не привечали. Отец рассказывал, что однажды собрались на разговор сельские старшины, обсудили беду нашу и порешили, что надо строить новый храм. Объявили сбор денег по селу, каждый принес, что было. Но помогли и от епархии – в городских церквях было объявлено, что мы затеялись храм возводить, а добрые люди и дали каждый понемногу, чтобы у нас было место, где можно молиться. Новая церковь была возведена из хорошего дерева, она была еще больше прежней, тоже с голубыми куполами и золотыми звездами. Ее посвятили Михаилу Архистратигу. Освещалась она архимандритом Феофаном, а утварь привезли какие-то господа из губернских властей. Все было серебряное, как и ранее, но работа более искусная. Помню кадила из той церкви – резные, тонко сра-

ботанные. Икон только привезли слишком мало – три или четыре на такую большую церковь-то!.. А мы с подружками особо любили именно образами любоваться, сравнивать.

Однако среди новых икон мы сразу заметили одну особенную – неземной красоты, новую, тонко расписанную. Это был образ Богородицы «Взыскание погибших». Если кто видел ее, то обязательно останавливался посмотреть и долго уйти не мог, словно его душу тянуло к этой божественной красоте. Батюшка наш, отец Михаил поначалу даже заподозрил, что красота эта сверх всякой меры и надо «Взыскание погибших» передать в монастырь. Мол там монахи молятся и для них видимое очарование не смутительно, а вот простому люду такое ни к чему. Мирянам надо больше строгости и скромности. Узнав про это, православные села стали умолять отца Михаила не отнимать у них эту радость. Он подумал и смилостивился.

Мы с бабами часто ходили к ней. Кто урожай просил, а кто – чтоб корова не издохла этим летом, но священник тогда открыл нам очи, объяснил, что молиться надо не за обыденное. У этой иконы Богородицу просят о спасении от отчаяния. Он сказал: Дева Мария просит у Сына своего даже за самых падших, и он дает им спасение и прощение, поэтому нам, суетным, нельзя предаваться греху уныния. Об иконе нашей прихожане рассказывали чудеса. Не знаю, правда ли это, ведь есть и счастливые случайности, а иногда люди просто придумывают разное, чтобы сделать свою жизнь ин-

тереснее. Но все-таки расскажу о паре таких чудес с односельчанами, когда спасение приходило после обращения к «Взысканию погибших».

Жена Якова, что держал в деревне лабаз, пила водку. Бедная женщина заливала горе – их с Яковом дочь умерла от падучей, а других детей Бог им не дал. Когда жена запила совсем тяжко, Яков хотел бросить ее, но любил и не смог. Сильно мучился ее пьянством, стал впадать в отчаяние, теряя надежду увидеть жену прежней. Узнав об иконе, Яков спросил у жены – хочет ли она освободиться от водки? Жена сказала «да», но сколько ни пыталась сделать это, водка каждый раз побеждала. Тогда Яков повел жену к «Взысканию погибших», пали они вдвоем на колени и стали молить об избавлении от пьянства. Три дня молились, не ели, не пили, с колен не вставали. И было жене Якова видение: пришла Богородица с ковшом чистой воды, дала ей пить, а когда женщина напилась, сказала: боле ты ничего другого пить не сможешь! Жена Якова более и не пила.

У моей кумы, Авдотьи, дочь не брали замуж. Хорошая девка, работающая, но нет ей судьбы и все тут! Девушка уж отчаялась встретить своего суженого, стала обозленной, исхудала вся. Тогда Авдотья повела дочь молиться «Взысканию погибших». Они молились с неделю, держали пост и жертвовали нищим. И в конце той недели дочке привиделось, что ежели она три раза церковь обойдет, то Богородица пошлет ей жениха. Она пошла вокруг церкви и встретила сына куз-

неца, а он сам хотел жениться, но не мог найти подходящую девку. Вскоре они поженились. И не раз случалось так, что после молитвы матерей излечивались от тяжелых недугов их дети. И как бы то ни было, мы верили: всем, кому самая крайность приходила, помогала наша чудотворная икона!

До тринадцатого года мы жили и беды не знали, а потом – война, революция. И пусть была бы эта революция, раз они (мама только так называет советскую власть – «они» – примечание Екатерины) хотели беднякам богатства дать, но в 1917 году случилось страшное – снесли нашу церковь вместе с сотнями других церквей и храмов по всей православной России!

Для этого преступления в наше село приехали на грузовике военные из города, с пистолетами, винтовками, почти все в гимнастерках. Знающие люди по секрету сказали, что это не солдаты, а «пролетарьят», то есть, те, у кого ни кола, ни двора. Эти люди и шли богатых громить-резать, чтоб отнять их добро. Но сейчас «пролетарьят» дошел до самой крайности – уже не добро они забирают, а отнимают самое главное в людской жизни – веру. Люди также говорили, что приходят последние времена, брат идет на брата, попраны все Божьи законы. Слышала я и совсем уж страшные речи, что заправляет «пролетарьятом» сам сатана, но точно сказать не могу – я видела только озлобленных людей, мстящих за свою боль. Им бы упасть на колени перед нашей иконой, да попросить спасения!.. Но были они слепы и глухи в то время, а потом

и сами погибли. Сколько лет прошло, а воспоминания перед глазами, будто кино: несколько этих приезжих в гимнастерках, смеясь, забрались на купол нашей церкви с топорами, стали его рубить, пока не срубили. Купол пошатнулся, повалился и стал падать, а на земле разбился – полетели доски, крашенные голубым, и золотые звезды. Будто небо рухнуло! Не знаю, почему, но тут я словно увидела перед собой икону, она звала, чтобы я вынесла ее из церкви, пока туда не добрались эти люди. Я вбежала в церковь, она уже стояла без купола и свет из дыры наверху лился прямо на «Взыскание погибших». И я бросилась к иконе, спрятала ее под подол верхней юбки. Придерживая рукой, бросилась к двери – бежать. Тут вошел один из этих, что в гимнастерках, с пистолетом в руке. Навел пистолет на меня, велел руки поднять. Я стояла, замерев, ведь, подними я руки, икона бы и вывалилась! И что бы он тогда сделал? Он бы растоптал ее, расстрелял, уничтожил. И руки мои приросли к телу, придерживая святыню. А он все грозил, пистолетом размахивал, кричал. И я подняла руки, ожидая, что икона упадет на пол. Но ничего не произошло! Икона удержалась под подолом юбки!

Дома я посмотрела, как это произошло. Оказалось, что углом икона зацепилась за рваную складку нижней юбки. Только моя юбка была целой до этого! Случилось чудо. И это чудо не только образ спасло, но и показало мне – нельзя отчаиваться, а надо верить в спасение. С тех пор я храню икону. Прячала я ее в самых разных местах, пока не обна-

ружила тайник в полу комнаты, где мы с мужем Васей жили. Край одной доски пола в середине комнаты, под кроватью, немного поднимался. Подцепила его большим ножом – доска и отошла, а под ней – еще доски, которые составляли перекрытие над подполом. Между ними нашелся зазор, и в него я спрятала «Взыскание погибших». Позже, в других домах, я также находила хранилища для своей тайны, но старалась время от времени менять их.

Вот Екатерина спрашивает: страшно ли было хранить икону? Не знаю, что ответить. Мне было радостно, что она сохранена, что не уничтожена. В иконе куда больше смысла, чем в моей жизни, ведь... Что такое человек? Отец Михаил говорил, что мы только временные гости в этом мире, и если помнишь об этом, то готов ко всему. Но люди слабы и пугливы. Вот и я часто дрожала, боясь, что меня разоблачат и накажут...

Страшнее всего пришлось в 37 году, когда они взяли моего Васю. Я тогда подумала – если отдать им икону, то они отпустят Васю! Это я от отчаяния так подумала, а сейчас понимаю, что понеси я им икону, так и сама бы в застенках сгнила, и его бы не спасла. Дрожа от страха за мужа, я сообразила все же сначала помолиться перед образом, а потом уже делать что-то. Стала молиться – просить исхода, решения. Все спрашивала Богородицу: что мне делать?! Молилась я всю ночь, а утром надо идти в колхоз на работу. А вечером Вася вернулся. Трех его товарищей расстреляли, а его – нет, так

как он не сознался в шпионстве, саботаже и контрреволюционной деятельности.

Так же сильно я боялась только в войну. Фашисты бы не пожалели нашей веры, они бы с радостью растоптали святыню, а всю мою семью расстреляли. После войны стало спокойнее, гонения на церковь ослабли, но я все равно хранила икону в большой тайне. Сама в газете читала, что одну бабу за старую икону в лагерь отправили, а бывшего священника посадили за книгу церковную. И мало того, что меня бы посадили, так ведь и детей могли бы. Или стали бы они детьми врага народа, а все мои младшие дети в городе уже учились. Я не могла им жизнь испортить, поэтому молчала и сохраняла «Взыскание погибших» до лучших добрых времен. Жаль, что на мою жизнь они не выпали.

Только сейчас я рассказываю историю моей жизни дочке Екатерине, а она записывает. Я завещаю, чтобы икона теперь ею хранилась, а когда придет время, пусть она отдаст икону тому из наших правнуков, кого считает достойным. И если когда-нибудь людям снова разрешат верить без страха, то пусть тот мой правнук отдаст икону в церковь или храм. И пусть присматривает за ней, чтобы она несла людям добро.

Береги нас всех, Святая Богородица, от страха и отчаяния!»

III

– БАРИН, вы хоть воды попейте! – услышал Белогоров сквозь сон.

Скрипнула дверь, пошаркал по земляному полу Макар, поставил на табурет возле кровати миску с водой. Судя по тишине, Макар разглядывал Белогорова. Зная своего Санчо, художник предположил, что в его взгляде должно бы читаться осуждение.

– Все у него было, но – на тебе! В икономазы подался! Да чего же тут хорошего? Сидим теперь в этом загаженном монастыре с клопами и растираем желток с какими-то камнями! В прошлом году в это время мы в Венеции были. Может, оно и сыро – в Венеции-то – зато не надо сидеть на хлебе и воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.